

Валерий Пушной

19-19

Валерий Пушной

19–19

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2026

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Пушной В. А.

19–19 / В. А. Пушной — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ",
2026

ISBN 978-5-00025-445-5

Космический корабль «19-19» после неудачной попытки прорваться сквозь галактические щесонные ловушки возвращается в Солнечную систему. Но неудачи продолжаются. Корабль неуправляем, его относит от Земли на другую сторону Солнечной системы, где внезапно перед членами экспедиции открывается загадочная планета, не отмеченная на космических картах. Кораблю удается приводниться на эту планету, которая оказывается обитаемой, и атмосфера на ней такая же, как на Земле. Космонавты обнаруживают, что жители планеты знают о Земле, давно ждут прилета людей и называют свою планету Зойля. Членам экспедиции предстоит сразу же окунуться в гущу событий, и хотя они стараются в них не ввязываться, но им невольно приходится принимать участие в противостоянии двух народов и двух родных сестер. Помочь победить врага просто, но вот помочь победить сестру нелегко. Но события развиваются именно так, и изменить их под силу только галактическому Разуму, который не спешит вмешиваться...

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-445-5

© Пушной В. А., 2026
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2026

Содержание

1	6
2	9
3	17
4	26
5	36
6	45
7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Валерий Пушной 19–19

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Пушной В. А., 2026

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом „Скифия“», 2026

* * *

1

Наконец-то все закончилось. Ужас, который последние минуты сковывал этих измученных людей, отступил, и настали мгновения полного обессиленного счастья. Они вырвались из ада. Удача! Все позади. Больше никогда в жизни они не хотели бы, чтобы им пришлось опять увидеть и почувствовать то, что довелось. А сейчас – упоение свободой, радость, смех, от которого давно отвыкли, и полное бездумье. Эта реальность была невероятной, потому что совсем недавно казалась несбыточной мечтой.

Тем не менее космокор прорвался сквозь кристаллоидные галактические заслоны, расставленные вокруг планет Безвременья. Никто не надеялся. Никто. Сознание до сих пор не воспринимало, как им это удалось, ведь галактические щессонные ловушки обойти невозможно. Перенаправить их работу тем более. Никто не мог выскользнуть за пределы планет Безвременья без разрешения галактической Системы, потому что Система работала безотказно и только на себя. Но все-таки получилось. И это не было случайным сбоем Системы. Ни в коем случае. Походило на то, что галактическая Система сама исторгла их космокор из пространства Безвременья. Не отключилась, нет, но на короткое время поменяла полюса, чтобы выпустить их. И это было необъяснимо.

Но ломать голову над такой необъяснимостью теперь бессмысленно, потому что ответ могла дать только Система, которая никогда никому не давала ответов. Казалось, что она жила собственной жизнью. Но это было не так. Система – создание галактического Разума, ее функции и роль определены изначально. Этот уголок Галактики вблизи планеты Барнарда оказался совсем не таким, каким всегда представлялся на Земле. Экспедиция отправлялась в этот уголок Галактики, чтобы выяснить, что кроется за тем галактическим белым пятном, из которого нет никаких импульсов, где время стоит на месте и который на Земле наименовали Пятном Безвременья. Оказалось, что Система скрывает за галактическим коллоидным фильтром планетарный треоплант Безвременья как мусоросборник Галактики, в который попадает все, что мешает целям ее развития.

Когда их экспедиция стартовала с Земли, они никак не предполагали, что довольно скоро их космокор будет подхвачен и унесен галактическим вихрем. Они окажутся в зоне паралинарного (пульсирующего разнонаправленного многополюсного) притяжения, которое введет их в состояние прострации. И, прежде чем оклемаются, щессонная ловушка втянет в сияющий провал Безвременья. Треоплант Безвременья состоит из трех планет, о существовании которых на Земле никогда не подозревали, потому что галактический коллоидный фильтр за белым пятном надежно скрывал планеты от всякого земного глаза.

Голограммы всех трех планет возникли в космокоре неожиданно и странно. Вихрями синей пыли и шаровыми сгустками излучений со звуковыми модуляциями. Никто из экспедиции не понимал, где они оказались. Лишь одно было ясно: цепкая щессонная ловушка стремительно тащила космокор в щессонный провал. Космокор стал неуправляемым. Оставалось только ждать, что произойдет дальше.

Но все это было в прошлом. Сейчас они вырвались в межпланетное пространство. Им повезло. Все остались живы. Хотя бывали моменты, когда казалось, все, амба, крышка, конец. В такие минуты тела стонали от боли и мозги плавались от полного отупения и безразличия.

Программа направила космокор по косо́й траектории к галактическому пути. Капитан Антон Стри, среднего роста, светловолосый, с мощным подбородком, впивался глазами в голограмму карты, на которой уже приближалась Солнечная система. Мала, а Земля того меньше. Но именно туда, к Солнцу, программа выложила их обратный маршрут. Разочарование и тоска били под дых. Во-первых, не выполнена цель полета, потому что программа отказалась следовать изначально намеченному на Земле маршруту из-за невозможности преодолеть сопротив-

ление щесонной ловушки треопланта Безвременья. А во-вторых, щемило сердце оттого, что неизвестно, на сколько земных лет вперед унес их галактический вихрь, ибо вблизи треопланта Безвременья в щесонной ловушке потерян счет времени. Без сомнения, застать в живых тех, кого оставили на Земле, отправляясь в полет, уже не удастся. Надеяться на то, что время их пощадило, не приходилось. Космические часы, сутки, а тем более недели безжалостны к тем, кто отправляется в полеты по галактическим маршрутам, не щадит несущихся с запредельными скоростями в своих космокорах.

Лауреат Международной премии «Планетарник» Рив Канд назвал цивилизацию людей смрадным варевом неудачников. С ним можно соглашаться, можно не соглашаться, но дважды с начала двадцать первого века и в двадцать втором цивилизация стояла на грани самоуничтожения. В начале двадцать четвертого века другой крупный ученый, Лев Ковин, также обладатель премии «Планетарник», открыл Закон Пронизанных Галактик, в результате чего был получен частичный доступ к галактическим Знаниям. Люди с трудом и скрипом вползали под крыло Высшей галактической цивилизации. Ведь Земля охвачена не только человеческой мыслью, но пронизана галактическими процессами, вызванными всеобщим Разумом. В Единой галактической цивилизации каждой планете, населенной разумными существами, отведена своя роль.

С тех пор межпланетные космокоры Земли зачастили по галактическим маршрутам. Жадное любопытство и жадное постижение нового уводили космоплавов все дальше и дальше от Земли. Космокор «19–19» отправился в межпланетное пространство по маршруту, схожему с маршрутом «11–11», который улетел почти на три века раньше по земному времени и с которым однажды пропала связь, когда тот уже должен был возвращаться в Солнечную систему. На борту «19–19» находилось пятнадцать членов экспедиции. Все они доки в своем деле, хорошо подготовлены по программе, которую должны были выполнить, несмотря на то что та изначально считалась крайне сложной. Между тем ее сложность ни у кого из экипажа не вызывала опасений и сомнений в том, что все пройдет удачно. Никто даже не предполагал, что все обернется случившимся фиаско и космокор окажется бессильным преодолеть неожиданную, столь мощную преграду на пути. Если бы Система его не возвратила, очевидно, никого из экипажа уже не осталось бы в живых. Однако Система почему-то пощадила людей.

Но, возвращаясь ко времени подготовки полета, за несколько лет до его начала, на этапе обсуждений и разработки маршрута, по которому они потом отправились, возможность выполнения программы вызывала у ученых Земли немало споров. По разным причинам. Например, лауреат многих премий ученый Вил Шварц предостерегал об опасности этой затеи, ибо никто тогда не мог объяснить белые пятна на выбранном пути. Проникнуть в глубину галактических Знаний с целью найти ответы на возникшие вопросы не удавалось. Впрочем, все было закономерно. По Закону Пронизанных Галактик Льва Ковина Знания нельзя получить, нарушив очередность, установленную галактическим Разумом, и нельзя получить все сразу. Приходилось руководствоваться этим, однако нередко забегать вперед, подчас жертвуя жизнями космоплавов.

Итак, Система их вернула. Маршрут был сломан. Искусственный интеллект вел космокор обратно к Солнцу. А если учесть, что программа с переборами реагировала на поправки космоплавов, не с первой попытки переключалась на ручной режим, неохотно отвечала на их запросы, было очевидно, что все они теперь в большой степени зависели от искусственного разума. А тот в щесонной ловушке получил повреждения, и от него отныне непонятно, чего ждать. И тогда капитан Антон Стри запросил программу:

– Ты сможешь довести космокор до Земли?

Искусственный интеллект не ответил сразу. Сначала в голограмме поплыли туманные полосы. И только после этого раздался голос:

– Я возвращаю космокор в Солнечную систему.

Этого программе можно было не сообщать, ибо они сами видели, что возвращаются к Солнцу, им нужно было знать, вернутся ли они именно на Землю, или «19–19» ждет та же судьба, что «11–11»: затеряться неизвестно где, а может, сгореть в пламени Солнца. Все члены экипажа, сидя на своих местах, хмуро выслушали ответ программы. Никто из них не блистал в этот миг хорошим настроением. Радость, что удалось вырваться из щессонной ловушки и остаться живыми, прошла. Сменилась на тихое уныние. Неопределенность обратного пути ввела в оцепенение. Впрочем, уверенность не покидала, но в этой уверенности было больше надежды, нежели железной твердости. Задавались вопросами, зачем галактическая Система вернула их. Не почему, а именно зачем. Система ничего не делает просто так. Система действует закономерно. В Единой галактической цивилизации не только каждой планете, населенной разумными существами, отведена своя роль, но и всякому живому организму, в том числе человеку, отведено его место. И каждый обязан исполнить свою роль до конца. Система четко отслеживает это. Поэтому сейчас им всем хотелось бы знать, зачем Система оставила их живыми. Но Система никогда не давала ответов, однако иногда, когда это было ей необходимо, лишь избранным ею чуть-чуть приоткрывала завесу над будущим. Членам экипажа теперь приходилось только ждать, как ждали они, находясь в щессонной ловушке. Разница была в том, что в ловушке они ждали смерти, а теперь ждали, что же еще предстоит им сделать, какие новые испытания приготовила для них Система. Вдобавок ответ программы раздражал своей неопределенностью. С места вскочил первый штурман Андрей Бау – высоколобый, смуглый, с ямками на щеках:

– Она не ответила на вопрос!

Антрополог Иван Скол – сутуловатый, с плешью на затылке и узким лицом – возмущенно замахал руками. А программа монотонно отозвалась:

– Я не могу по-другому, в моих расчетах могут быть ошибки из-за сбоев.

Услышав это, озадаченно подскочил в своем кресле второй штурман Тимур Руев – худощавый, с прищуром глаз. Врач Манона Бот, длинноволосая женщина с длинной шеей и тонкими чертами лица, посмотрела на двух программистов. Те зашевелились.

– На космокоре самовосстанавливающаяся программа, – первым на ее взгляд отреагировал программист Паруш Жерда, круглолицый, невысокого роста, с морщинами на щеках. – Мы не должны вмешиваться в ее работу, пока она сама не запросит об этом. Иначе программа воспримет наше вмешательство как очередное повреждение и отправит космокор по неизвестному маршруту.

В унисон Парушу закивал второй программист Данил Сереб – широкоплечий, с горбинкой на носу и длинными пальцами. Остальные члены экипажа молчали. Рассеянно смотрели перед собой. Выразить свои опасения или недовольство было глупо, бессмысленно. От них сейчас мало что зависело, несмотря на их знания, умения и подготовку. Увы. Их опыт бездействовал. Он был иным. И, пока они заключены в оболочку космокора, не мог быть применим. Таким образом, полет продолжался по маршруту программы.

2

На берегу моря на огромном, нагретом солнцем валуне сидели двое, подобрав под себя ноги. Изможденная, прожившая уже много лет женщина с сединой в темных редких волосах, изрезанным складками лицом, морщинистыми руками и худенькая девочка с любопытными большими глазами, восторженным лицом, белой кожей и русыми, выгоревшими на солнце длинными волосами. Шум прибоя внизу иногда заглушал их голоса, ветер трепал одежды, пошитые из легких тканей. Девочка живо спрашивала тонким голосом, а женщина отвечала неторопливо, со знанием дела старческим сипловатым, словно простуженным тоном.

- Скажи, почему волны плещут?
- Потому что берег бьется об них.
- А почему берег бьется об них?
- Потому что наша планета крутится.
- А почему наша планета крутится?
- Потому что ветер кружит ее.
- А почему ветер кружит ее?
- Потому что волны нагоняют ветер.
- А почему волны нагоняют ветер?
- Потому что плещут о берег.

Девочка умолкла, задумалась над тем, что услышала, и уставила взор вдаль туда, куда до самого горизонта уходила водная гладь. Но ее молчание было недолгим. Любопытство оживило в ней новые вопросы:

- Скажи, почему солнце над головой светит?
- Потому что стоит на месте.
- А почему солнце стоит на месте?
- Потому что наша планета вращается вокруг него.
- А почему наша планета вращается вокруг него?
- Для того, чтобы солнце стояло на месте.
- А почему солнце должно стоять на месте?
- Для того, чтобы светить нам.

Девочка опять задумалась, вглядываясь в морскую ширь. В ее сознании, видимо, что-то не сходилось, а может, она пыталась связать между собой все, что услышала. Наконец она вновь повернула голову к старой женщине:

- Скажи, Валли, почему ты всегда приходишь на этот берег и сидишь, сидишь, сидишь?
- Потому что я жду, Марин.
- Чего ты ждешь, Валли?

Женщина прикрыла глаза, на минуту погрузилась в паузу и после этого спокойно, рассудительно начала говорить:

– Когда-то давным-давно, когда здесь на берегу моря в своих жилищах проживал небольшой народ салавнов, сюда с неба спустились люди, их было немного. Они прилетели с другой планеты.

– А на каких крыльях они прилетели? Разве у людей были крылья? – перебила ее Марин, вставляя свое слово, вытянула шею и посмотрела в небо, как будто там хотела увидеть людей, о коих сказала Валли, и крылья, которые были у них.

Но Валли вернула ее взгляд на себя:

- У них не было крыльев, они были такие же, как мы с тобой.
- Как же в те далекие времена они могли прилететь без крыльев? – не поверила Марин.

– У них была очень большая лодка, почти такая, как у наших мужчин, на которых они сторожат море, только во много-много раз больше, – ответила Валли.

Новое недоверие еще больше расширило глаза Марин, она взмахнула рукой, будто хотела закрыть женщине рот:

– Но лодки не летают, Валли!

Женщина грустно улыбнулась детской наивности, спокойно взяла ее руку, опустила к ней на колени и пояснила:

– У них была такая, которая летала, Марин. Но она сломалась и упала в море.

– Она затонула?

– Да, Марин. Конечно, она затонула, поэтому люди не смогли улететь назад и остались жить на нашей планете Зойля.

– А их лодка лежит на дне?

Вопрос поставил Валли в тупик, но она быстро нашлась:

– Возможно, их лодка и сейчас на морском дне, но никто не знает, где она. – Старая женщина старалась быть убедительной, продолжая рассказ: – От этих людей и от женщин-салавнов образовалась новая ветвь, которая стала называться народом хосков. Она отделилась от салавнов и стала жить своей жизнью. Хоски многому научились у людей. Постепенно малочисленный народ стал расти и набирать силу. Начал строить свои города. Все это время хоски жили рядом с мирными салавнами. Но каждая ветвь жила по своим правилам и обычаям. Однако однажды на салавнов напал мор и выкосил бо льшую их часть. Хосков миновала эта беда, потому что люди научили их, как защититься от мора. А потом, когда мор отступил и салавны стали возвращаться к прежней жизни, на их опустевшие города напали пришедшие издалека озлобленные имры. Они захватили города салавнов и поработили их. Затем пришли на землю хосков, но те объединились городами и разбили войско имров. А потом назвали объединение городов городарством Хоския. Но имры затаили ненависть и злость, собрали новое войско и снова напали на хосков. И опять были разбиты. И такое продолжается уже много-много лет. Столько лет, что счет им очень высокий.

Марин внимательно слушала и во все глаза смотрела на Валли, пока из ее горла возмущенно не вырвался нетерпеливый вопрос:

– Почему они делают это, Валли?

Та нахмурилась, почувствовала напряжение в теле, потому что в ответ должна была произнести слова, которые явно нарушали покой в ее душе. Голос Валли чуть изменился:

– Они хотят покорить нас, чтобы хоски стали их рабами и работали на них, потому что мы умеем и знаем много того, чего они не могут и никогда не смогут.

– А чего они не могут, Валли?

Женщина слегка перевалилась с боку на бок, передвинула чуть в сторону затекшие в одном положении ноги и произнесла размеренно, точно раскладывая по полочкам каждое предложение, которое озвучивала:

– Имры не могут долго находиться под водой, а хоски могут на долгое время задерживать дыхание. Имры не умеют слышать голоса прибрежных камней и скал, а хоски умеют. Имры не умеют разговаривать с морем и не знают, о чем говорит оно шумом прибоя, а хоски умеют разговаривать с морем и знают, о чем говорит шум прибоя. Имры не слышат голосов леса, а хоски слышат и умеют разговаривать с деревьями. И многое другое. А все потому, что нашими прародителями были люди.

– А люди тоже это умеют? – спросила Марин.

– Я не знаю. Я никогда не видела их, Марин, – отозвалась Валли. – Когда они прилетели, все вокруг было иначе, никто из нас не мог видеть их. Это было так давно, что никто уже не помнит, как давно это было, и никто не помнит их имен, а также имен тех салавнов, которые

первыми увидели людей. Но я думаю так: если народ хосков произошел от людей, то люди умеют все, что умеем и знаем мы, и намного больше нашего.

Установилось молчание. Шум прибоя ворвался в их уши. Волна сильно ударила о камни, высоко подбрасывая брызги, которые хоть и слабо, но все-таки достали до женщины и девочки, слегка обрызгав им одежды. Но никто из них не обратил на это внимания. Обе продолжали молчать, ибо у Марин больше не было вопросов. Между тем длилось это до того момента, пока в голове у девочки вновь не оживился мозг.

– А с какой планеты прилетели люди, Валли? – произнесла она.

– С планеты Земля, Марин.

– Ты видела ее на небе?

– Нет. Ее никогда не видно, – ответила Валли и посмотрела на солнце. Лучи ослепили ее, и она зажмурилась, прикрыв глаза ладонью, чтобы привести в порядок зрение. И лишь когда в глазах пропали черные круги и они вновь начали различать окружающие предметы, закончила: – Земля с противоположной стороны Солнца. Люди говорили, что с той стороны Солнца кроме планеты Земля есть еще другие планеты.

– На них тоже живут люди?

– Этого я не знаю, Марин.

– Наверно, живут, Валли, – медленно предположила девочка. – Планеты не могут быть пустыми. Ведь наша планета Зойля не пустая, и другие не должны быть пустыми. Если бы они были пустыми, тогда зачем бы они крутились вокруг Солнца?

– Ты рассуждаешь как взрослая, Марин. Я очень рада, что ты становишься взрослой. Да, возможно, на тех планетах тоже живут люди. Раз они прилетали к нам, значит они живут и на тех планетах.

Девочка подождала, когда Валли смолкнет, и напонила:

– Ты не сказала, чего ты всегда ждешь у моря.

Валли ответила не сразу. Она сначала подбирала слова в голове, чтобы выложить их в той последовательности, в какой надлежало, потом собрала на переносице морщины и только после этого заговорила строгим тоном, какой указывал на то, что все, что сейчас она говорит, очень важно и надо внимательно слушать:

– Есть давнее предание народа хосков, Марин, секрет которого хранят ведуны Высшего Совета Хоскии. Оно гласит, что с Земли на нашу планету Зойля должны прилететь еще такие же лодки с новыми людьми после того, как девочке-хоске с пятью большими родинками под правой грудью исполнится четырнадцать лет. И я ждала, когда это случится. Но и властители имров знают об этом нашем предании. Когда-то им удалось выведать секрет от одного болтливово ведуна. Властители Имрии тоже ждут, когда у хосков появится предвестница прибытия новых людей к нам. Однако ждут не для того, чтобы разделить радость народа хосков, а чтобы помешать этому. Надеюсь, что наши ведуны сохранили от них тайну и они не знают еще, что девочка-хоска с пятью большими родинками под правой грудью уже родилась и живет среди нас.

– Но пять больших родинок под правой грудью – это у меня, Валли! – вдруг громко воскликнула Марин, то ли пораженная новостью, то ли напуганная. Откинула полу одежды и показала родинки.

– Да, Марин, – подтвердила Валли. – И тебе исполнилось четырнадцать лет. А сейчас ты узнала великую тайну о себе, которую хранят ведуны народа хосков с момента твоего рождения. Ты – предвестница, Марин. Я привела тебя сюда, потому что ведуны народа хосков поручили мне сообщить тебе эту тайну, чтобы ты знала, что тебе предназначено стать той, которая встретит новых людей. Теперь это твоя тайна. Ведунам неизвестно, когда после твоего рождения прилетят новые люди и как это случится, но известно, что люди помогут Хоскии в битве с сильным врагом.

– Но, может, предание народа хосков совсем не обо мне, Валли? – Марин часто заморгала большими глазами. – Мне почему-то страшно.

– Я – Первая ведунья в Высшем Совете ведунов Хоскии, Марин, я никогда еще не ошиблась, изучая предания! – Решительный тон женщины остановил испуг Марин, заставил ее замедлить и слушать дальше. – Если бы это хоть раз случилось, я не была бы Первой ведуньей! Мое место занял бы кто-то другой. Мне уже скоро предстоит уйти в море, а замены до сих пор в Совете ведунов нет!

– Я простая девочка, Валли, не очень хорошо учусь в школе Проникновений, – задрожал ее голос. – У меня хорошо получаются проникновения, но часто не получается по другим наукам, когда у других это происходит легко. Разве могу я быть предвестницей?

– Не мы выбираем свой Промысел, Марин! – решительно отвергла ее сомнения Валли. – Высшая воля, Провидение дает его нам! От начала ветви хосков у нашего народа не рождалась девочка с пятью большими родинками под правой грудью!

– А если люди не прилетят, Валли? – ухватила еще за одну соломинку Марин.

– Прилетят, Марин, обязательно прилетят! – последовал бесстрастный ответ. – Верь в это! Если это не случится при моей жизни, то ты обязательно дождешься!

– Но я не хочу ждать, как ты, Валли, сидя на берегу!

– Сидеть на берегу, смотреть вдаль и слушать, слушать, слушать – это дело старой ведуньи, – голос Валли стал мягче, она грустно улыбнулась. – Я уже стара, Марин, и для меня теперь это единственное развлечение – сидеть и ждать. И думать.

– О чем ты думаешь, Валли? – оживилась Марин и завозилась на месте.

– Я вспоминаю то время, когда была такой же девочкой, как ты. Сейчас иногда мне кажется, что я хотела бы вернуться в него, но я знаю, что это невозможно и совсем мне не нужно. Все умирают, когда уходит время жизни и приходит время смерти. В новые времена должны жить новые хоски. Так всегда было и всегда будет, – спокойно проговорила Валли. Лицо было чуть отрешенным, точно она сейчас заглядывала в другую свою жизнь, которая ждала ее после этой, и та вполне устроила ее, не вызвала отторжения, оставила удовлетворенной и безмятежной.

– Почему так бывает? – спросила девочка, стараясь постичь услышанное.

– Потому что Солнце не может светить всем.

– Почему оно не может светить всем?

– Потому что планета не сможет вращаться вокруг Солнца, если все будут живы.

– Почему планета не сможет вращаться?

– Потому что она станет тяжелой и остановится. И тогда закрутится Солнце и перестанет светить.

Марин вскочила на ноги, возбужденно замахала руками, лицо ее покраснелось, глаза загорелись. Она схватила руку Валли, притянула к себе и прижала к своей груди. Ее тонкий голос дрогнул:

– Но я не хочу, чтобы приходило время твоей смерти!

– Иначе остановится время твоей жизни, – грустно вздохнула Валли.

– И этого я тоже не хочу! – оттолкнула ее руку девочка и обиженно надула губы.

– Вот поэтому я сижу и жду, когда прилетит новая лодка с планеты Земля. По преданию, люди знают, как сделать, чтобы солнце светило всем. – Женщина вновь усадила Марин возле себя на горячий от солнца камень.

– Почему давно-давно люди не остались среди салавнов, а стали жить отдельно?

– Потому что тогда салавны не захотели принять правила людей, а люди не могли жить по правилам салавнов. Люди были намного сильнее салавнов своими знаниями и умением. Поэтому и те и другие стали мирно сосуществовать рядом. С людьми остались только женщины салавнов, которых выбрали люди и которые не отказались пойти с ними.

– Скажи, Валли, – Марин прижалась к ее плечу, – почему имры хоронят мертвых в могилах, а хоски отправляют умерших в море?

– Потому что море не принимает имров, – объяснила Первая ведунья. – Волна всегда выносит их утопленников на берег.

– Скажи, а зачем мужчины народа хосков сторожат море?

– Потому что иначе оно найдет себе других сторожей.

– А зачем морю нужны сторожа?

– Потому что у моря без сторожей нет тайны.

– А зачем морю тайна?

– Чтобы было что сторожить.

Глаза Марин замерли на губах женщины, точно она ждала, что из них вылетит тайна, о которой говорила Валли. Но ничего подобного не произошло, и девочка вдруг спросила:

– Например, затонувшую большую лодку людей, на которой те прилетели?

На мгновение Валли замешкалась. Вопрос был неожиданным и удивил ее. Сама она никогда не задумывалась над этим, хотя Первая ведунья должна была бы давно подумать о подобном. Ведь сколько она себя помнила, мужчины хосков всегда сторожили море, так повелось с давних времен. А раз так повелось, значит этому была причина; стало быть, изначально первые хоски знали тайну и ведали, что именно нужно сторожить. Мысль ошеломила ее. И Валли озадаченно вздохнула. Но то, что этот вопрос возник в голове у Марин, лишь подтверждало, что она и есть предвестница, которую так долго ждал народ хосков. Возможно, предвестница узнает, где эта лодка, и найдет ее. Тогда откроются многие тайны людей, о которых сейчас никто из хосков даже не подозревает. Мозг Валли взорвало, огонь разлился по телу и сверкнул в глазах. Такого огня давно никто не видел в тусклых глазах Первой ведуньи. Она попыталась привстать, но вдруг мгновенно застыла, прислушалась, выставила вверх палец:

– Прибрежные камни и скалы предупреждают об опасности!

– Но на берегу никого нет, – огляделась девочка.

В этот миг волна сильно ударила о берег, и брызги вновь окатили их.

– Прибой зовет к себе, чтобы уберечь от опасности, – повысила голос Валли. – Скалы и море никогда не ошибаются. Их память хранит все, что давно забыто нами. Они слышат то, что далеко от них. Иногда мне кажется, что они видят лучше нас. – Она обхватила рукой плечи девочки. – Ты вся дрожишь. Ты тоже что-то чувствуешь?

– Я не знаю, Валли, но мне что-то кажется, – прошептала Марин испуганно и зажмурилась, затрудненно дыша. – В школе нас учили распознавать голоса опасности и тревоги, но я была невнимательна на уроках. И теперь не понимаю, что происходит у меня внутри. Но что-то происходит, Валли. – Ее лицо было расстроеным.

Новая волна окатила брызгами девочку, почти не коснувшись Валли. Старая женщина неожиданно проворно вскочила на ноги и потянула ее за собой:

– Опасность угрожает тебе, Марин! Море зовет к себе, чтобы уберечь тебя. Я не могу допустить, чтобы с тобой что-то случилось. Дай руку! Вместе прыгаем в воду!

Марин вдруг ощутила, как предчувствие чего-то необъяснимого сжало ее сердце. Обе вдохнули воздух и прыгнули в подымающуюся к ним пенную волну. Валли держала Марин за руку. Опустившись на каменистое дно, они, не осматриваясь, потому что хорошо знали здесь весь донный рельеф, поплыли под водой дальше от берега. Валли плыла впереди, Марин сбоку отставала на полтела. Отплыв от берега, Валли повернулась к девочке, показала рукой вдоль него, мысленно произнесла:

– Плыдем туда. Море говорит, что в той стороне на берегу безопасно.

– А если я спрошу у него, где лежит на дне большая лодка людей? – вдруг разнеслась мысль девочки.

– Спроси, – откликнулась мысль Валли.

Девочка остановилась, руки и ноги застыли в одном положении. Медленно стала опускаться на дно. Первая ведунья также застопорилась поблизости, смотря на Марин и задержав свои мысли. В этот миг мысль девочки обратилась к морю:

– Скажи, на твоём дне есть большая лодка людей, которые давно-давно прилетели с планеты Земля?

– Есть, – ответило ей море. – Я сохранило ее, спрятав под слоем песка, потому что знало, что ты спросишь о ней.

– Откуда ты могло знать? – Девочка коснулась ногами дна.

Море не ответило – это было его тайной, которой оно ни с кем не делилось. Вода была чистой, прозрачной, сквозь нее было далеко видно плывущих по разным сторонам рыб и животных. Но Марин смотрела не на них, ей хотелось увидеть, откуда приходил к ней беззвучный, как мысль, голос моря. Между тем определить это было невозможно, потому что он шел со всех сторон. На миг Марин сомкнула веки, и на ум пришло, что все море – это единый большой мозг, внутри которого сейчас находятся они с Валли. Девочка открыла глаза, почувствовала под ногами камни и слегка оттолкнулась от них. Тело повисло в воде. Марин снова мысленно спросила:

– Можешь показать мне, где лежит большая лодка?

– Когда придет время, – беззвучно отправило ответ море.

– А когда оно придет?

– Когда ты будешь знать, зачем она тебе.

– Ты слышала, Валли? – Девочка повернулась к плавающей рядом Первой ведунье.

– Нет! – скользнула мысль старой женщины в мозг девочке. – Море разговаривало с тобой. Это твоя тайна.

– А зачем мне еще одна тайна?

– Чтобы море знало, что ты можешь хранить ее.

– А зачем ему знать об этом?

– Чтобы у тебя была тайна. Она делает тебя взрослой, ответственной за хосков.

– Как я могу быть ответственной за хосков, если я девочка, Валли? Ведь взрослые сильнее и умнее меня. Они могут делать то, что я не умею, могут биться с имрами, могут растить детей, могут сторожить море и еще много чего могут.

– Отныне ты должна поверить, – пояснили мысли Валли, – что ты такая же сильная, как все хоски, потому как ты предвестница. Наступит время, когда ты станешь сильнее всех. Твоя сила не в том, чтобы уметь держать оружие и делать прочие вещи, которые делают взрослые. Твоя сила в ином. И она скоро проявит себя. Мне, Первой ведунье, известно из предания, что это случится. – Валли рукой пригласила ее проплыть дальше, туда, где можно будет безопасно выйти на берег.

Они поплыли. У берега вынырнули из воды и выдохнули остатки воздуха из легких, потом несколько раз вдохнули свежего. Вышли по камням на пустынный берег. До прежнего места, где они сидели на валунах, было относительно недалеко. Но оно было скрыто скальными прибрежными осколками. Они сели на камни. С мокрых, прилипших к телам одежд ручьями стекала вода. Марин хотела раздеться, чтобы быстрее обсохнуть самой и высушить одежду на солнце, но Валли морщинистой рукой остановила ее:

– Никому не показывай свои родинки.

– Но я никогда никому не показывала их, – растерянно пролепетала девочка. А потом доверительно шепнула: – Я всегда стеснялась их и прятала от всех.

На изрезанном старческими складками лице Валли чиркнула тусклая улыбка.

– Всегда с момента твоего рождения за тобой наблюдали ведуньи и внушали тебе, чтобы ты скрывала родинки от чужих глаз. – Ладонями она провела по голове, выжимая из редких седеющих волос воду. – Они – твое отличие от тех, кому не дано быть равной тебе.

– Меня не радует это, Валли. – Худенькая девочка еще больше уменьшилась, сжавшись от растерянности. – Даже тут на берегу, где никого не видно, я не могу раздеться. Я боюсь, что на мою голову свалится много испытаний, которые я не вынесу.

– Тебя покидает детство, – успокаивающе произнесла Первая ведунья. – Так всегда бывает, когда наступает пора стать взрослой. Через это проходят все. Возьми себя в руки. Ты все одолеешь. – Она прикрыла глаза, погрузилась в паузу. Пауза длилась долго. Наконец женщина вздрогнула, как будто вырвалась из дремоты, и заговорила вновь: – Испытания бывают у всех. У одних – меньше, у других – больше, но никто не минует их. Не следует горевать по этому поводу. Рано или поздно все проходит. Зато, когда оглядываешься назад, видишь позади не пустоту, а полноту жизни. Никогда не жалуйся, как тебе тяжело, потому как в этой тяжести заключена вся твоя сила, злость, радость и счастье, а значит, преодоление и удача.

Подтянув к себе колени, Марин оперлась на них, прижав ладони к щекам, слушала, что говорит Валли. Та еще долго назидательно увещевала, пока не поняла, что девочка уже перестала слушать ее и целиком отдалась своим мыслям. Эти мысли не были предназначены для чужих мозгов, поэтому Валли не слышала их, но чувствовала, что внутри Марин шла яростная борьба, в которой пока не было победителя, ибо детство уже еле-еле удерживало ее возле себя, а взрослость еще не овладела ею полностью. Девочка находилась на распутье. Между тем это распутье все определеннее сливалось в одно направление. Валли удовлетворенно хмыкала и смотрела искоса, не прерывая раздумий Марин. Женщина заранее знала, каким будет результат размышлений Марин, потому что предание уже прочертило ее путь. Марин лишь осталось нащупать этот путь и полной ступней стать на него. Наконец она отняла ладони от лица, подняла глаза:

– Скажи, Валли, а у тебя есть тайна?

– Тайна есть у всех. – Изможденное лицо осталось прежним. Старческий сипловатый, словно простуженный тон голоса был спокойным, неторопливым и рассудительным. – В течение моей жизни было много тайн, Марин. Иные были скоротечны, иные дольше оставались со мной, иные до сих пор не покидают и не отпускают меня.

– Разве они не утомляют тебя, Валли? – изумленно воскликнула Марин.

– Я никогда не думаю об этом, – безразлично повела плечами та.

«Как можно не думать, – мелькнуло в голове у Марин, – когда думы сами наплывают, будто волны прибоя?» Она растерянно заморгала:

– Неужели нельзя жить без тайны?

– Нет, Марин! – убежденно откликнулась старая женщина, прожившая уже много лет и знавшая, чего стоит жизнь без тайны. – Без тайны все как цветок без запаха, Марин. Как будто красивый и привлекательный, но словно неживой.

– Я люблю запахи цветов, Валли, – надула губы Марин, представив цветы без запаха.

– Я знаю, Марин. – На сморщенном лице мелькнули морщинки улыбки. – Я все про тебя знаю. Не забывай, что ведуньи от рождения наблюдали за тобой. Это было их обязанностью. Так они охраняли тебя. Но скоро ты станешь сама отвечать за себя.

Излишнее любопытство девочки не раздражало старую ведунью. Детство отличается от зрелости тем, что у него множество вопросов, на которые непременно надо получить ответы. Вся жизнь впереди видится как дорога поиска ответов, чтобы ощутить свою значимость, находя их. Но при этом после себя следует оставлять новые дороги для других детских вопросов. Между тем к старости на множество вопросов ответы найдены, и хотя за спиной осталось много безответных, но время для поисков заканчивается, и вопросы перестают интересовать. Сама Первая ведунья уже их не задавала, однако, несмотря на это, девочке отвечала охотно.

– Ты думаешь, я справлюсь, Валли? – обеспокоенно, с придыханием пролепетала та. – Я даже не знаю, что я должна буду делать! – воскликнула она, часто дыша.

– И никто не знает, кроме Провидения, – твердо пояснила Валли. Ее спокойствие невольно вселяло в девочку уверенность.

– Пусть так, Валли, пусть так! – вздохнула и решительно выпалила Марин.

Первая ведунья повела взглядом по своей одежде, тронула волосы на голове:

– Сегодня жаркое солнце. Волосы уже высохли, да и одежда немного подсохла, – оглянулась и посмотрела в другую сторону от моря, где за длинной каменной россыпью начинались городские постройки. – Нам пора возвращаться в город, Марин. – Поднялась на ноги и протянула руку девочке.

3

Каменистый берег погрузился в солнечный морской покой. Шум прибоя органично вливался в его особую безмятежность и создавал ощущение оторванности от всего мира. Казалось, ничего больше не существует, кроме моря, морской волны, берега, камней и скальных обломков на нем. Большой валун, на котором Валли открыла тайну Марин, был пуст. Прибой больше не бил в него, лишь слегка омывал снизу. В какой-то момент на него опустилась морская птица, потопталась, потом, словно встревоженная чем-то, быстро расправила крылья и взлетела. Покружив в вышине, камнем упала на воду, ударилась грудью, выхватила из волны рыбу и стремительно понесла ее вдоль берега, теряясь среди других таких же птиц. Затем на большой прибрежный камень из воды выбралась большая разноцветная ящерица. Пробежала по нему, присела, притихла, греясь на солнце, но скоро, явно чем-то встревоженная, подняла голову, прислушалась и метнулась в воду. Если бы сейчас удалось глянуть на берег с высоты полета птиц, то можно было рассмотреть за ближайшими скальными нагромождениями притаившихся в тени пятерых имров в грубой одинаковой одежде неопределенного цвета, которая сливалась с цветом прибрежных камней и скальных пород. Одновременно надо сразу отметить, что цвет ее менялся в зависимости от ландшафта: на песке она становилась песочного цвета, на зойле – зойлистого, в траве сливалась с зеленью. Как цвет кожи хамелеона. Четверо сидели без движения, прижавшись спинами к утесу, вытянув ноги вперед. Пятый стоял, припав к утесу грудью, выглядывая из-за скалы, наблюдая за берегом и морем. Волосы на его голове были коротко пострижены, отдавали сероватым оттенком, лицо круглое, чуть приплюснутое.

– Ну что там? – не шевелясь, спросил один из четверых, с решительным выражением длинного лица, узкими глазами, узкими губами и высоким лбом, над которым гребешком торчали черные волосы. – Видишь девчонку?

– В море со старухой прыгнула, – отозвался наблюдатель.

– Подождем, когда вылезет. – Длиннолицый согнул в колене одну ногу, подтянул к себе. – Смотри, где появится! – скомандовал отрывисто и согнул в колене вторую ногу.

– Хоски могут долго находиться под водой! За это время можно далеко уплыть! Следовало сразу схватить ее! – полуобернувшись, раздраженно огрызнулся наблюдатель.

– Дальше этого города не уплывут! – категорично и зло отрезал сидевший. – Я лучше знаю, что следовало, тупоголовый! Девчонку надо умыкнуть незаметно! Никто из хосков не должен заподозрить имров!

– Грохнули б старуху, и в воду! А девчонку – с собой! – распаялся наблюдатель.

Узкие губы длиннолицего вытянулись в нитку, промелькнула гримаса неприязни:

– Море не простило б нам крови старой хоски.

– Это неизвестно! – увертливо отмел несогласный наблюдатель; круглое, чуть приплюснутое лицо покраснело до самых ушей. Видно было, что у него на языке вертелось нечто едкое, чем порывался прижучить длиннолицего за то, что тот назвал его тупоголовым, но в последний момент сдержался и стал объяснять свое несогласие: – Море принимает умерших хосков. Приняло бы и погубленную нашими стараниями старуху. Хосков столько было нами убито в сражениях, что не счесть, и море всех приняло! Упустили мы хороший момент. – Помолчал. – Надо было выпустить кишки старухе! Если бы мы тоже умели долго оставаться под водой, можно было б сейчас двинуть за ними в море и там без лишнего шума сделать свои дела. А потом дождались бы ночи на берегу и убрались потихоньку за пределы городарства хосков вместе с девчонкой.

– Заткни рот, сордар Скотни, и смотри во все глаза! – прервал его длиннолицый. – Здесь я капирар, выполняй мои команды!

Скотни набычился, зло покосился на капирара. Тот с угрозой выдохнул:

– Проморгаешь – башку тебе разнесу на куски вот из этого писторера! – Хлопнул себя по боку, где прикрывался полой одежды писторер. – Запомни!

– Хорошо, запомню, капирар, – ожесточенно пробубнил Скотни себе под нос. – И ты не забудь, у меня тоже есть писторер.

Капирар не разобрал его бормотание. После этого наступило молчание. Шум прибоя, крики морских птиц над водой, скалы, каменная россыпь и палящее солнце в вышине долго были мелодией и красками прибрежного дня. Наконец негромко заговорил еще один сордар – коренастый, с широкой покатой спиной, лысой головой и без бровей, сидевший рядом с капираром:

– Десять дней мы уже охотимся за девчонкой. Скотни прав, – краем глаза коснулся того. – Сегодня упущена хорошая возможность. Ты, капирар, зря кричишь на него. И что с того, что хоски поняли б, кто выкрал девчонку? Да и пусть. Нам от этого ни холодно ни жарко. Битва из-за этого не начнется.

– Начнется, сордар Джари, именно начнется! – отсек капирар, оторвал спину от скалы и повернул лицо к нему. – За эту девчонку хоски биться станут насмерть. Ведуны всю Хоскию поставят на уши. А наше городарство Имрия пока к сражению с ними не готово. Когда наступит время, мы уничтожим их, но не сейчас. Сначала надо выкрасть девчонку – без нее хоски станут слабы. Это повлечет за собой их поражение.

– Тогда надо было сегодня похитить ее вместе со старухой! – не понимал Джари.

– Если б было все так просто, я бы сделал это! – нервно парировал капирар. – Но схватить Первую ведуницу Хоскии очень сложно. Она чует опасность далеко от себя. Наверняка прыгнула в море, почуяв нас поблизости. Подождем, когда нам принесут девчонку сами хоски!

– Жди, капирар! – приглушенно недоверчиво и одновременно ядовито засмеялся сордар Скотни. – Уже бегут к нам хоски и несут девчонку!

– Жду, сордар! – заскрипел зубами капирар. – Закрой свой поганый рот, тупица, и выполняй мои команды!

– А я думаю, ты просто трус, капирар! – медленно, сквозь едва разжатые губы произнес Скотни. – Ты мешаешь похищению девчонки! Ты же не чистый имра, ты какая-то помесь лягушки с обезьяной! Ты – враг имров!

Капирар яростно схватился за писторер и стремительно вскочил на ноги. Скотни выхватил свой. Два слабых хлопка прозвучали почти одновременно. Пули вошли в сердца. Два тела отшатнулись друг от друга и медленно повалились навзничь, с хрипом испуская дух. Трое оставшиеся в живых рывком поднялись. Мрачно уставились на лежащие перед ними трупы, которые еще недавно были живыми имрами. Никто не ожидал такой внезапной развязки, хотя горячность капирара и сордара Скотни всегда зашкаливала, всем была известна их неприязнь друг к другу. Трое молчали. Но вот взгляды двоих оторвались от трупов и замерли на коренастом лысом Джари.

– Что? – спросил тот, интуитивно понимая, что от него ждали какого-то решения. Но почему от него? Он такой же, как они. И, как они, не знал, что дальше делать.

Однако на него смотрели безотрывно, ибо он отважился поспорить с капираром вслед за Скотни. Ведь капирару в отряре никто не прекословил, кроме Скотни. Тот с самого начала выводил капирара из себя, перечил по всякому пустяку, и все это должно было когда-то закончиться. И вот закончилось. Только никто из них не предполагал, что завершится таким образом. Как угодно, но не взаимным убийством. Между тем свершилось, и остальным надо теперь как-то выбираться из этого положения. Двое продолжали безмолвно смотреть на Джари. Он должен был какие-то слова найти, чтобы ответить на их взгляды. Сордар с черными усиками, стоявший чуть в стороне, подтолкнул:

– Принимай командование, Джари. Кроме тебя, некому.

– Почему не ты или не он? – кивнул на третьего.

– Нет-нет, командуй! – отмахнулся третий, с большим ртом и толстыми губами.

– Тогда вместе решим, что делать! – предложил Джари.

– Нет! – не согласился сордар с черными усиками. – У нас тут не кошачье сборище!

Кошачьим сборищем они обычно называли собрания сослуживцев по надуманному поводу в каком-нибудь увеселительном заведении за крепким, сшибающим с ног питьем. По аналогии с кошачьим скопищем, где кошки и коты рвали глотки писком, визгом и мяуканьем, они на своих сборищах, как правило, много горланили, спорили, доказывали что-то друг другу, пытались петь и пили, пили, пили, пока не валились с ног. Разумеется, здесь не было кошачьего сборища, была команда, где решение нужно принять на трезвую голову. Единственное, но правильное. Джари задумался. Десять дней они скрытно следили за девочкой в городе, не приближались, но не выпускали из виду. Подходящего момента, чтобы незаметно похитить ее, не подворачивалось. К тому же создавалось впечатление, что капирар умышленно затягивал развязку. И только тут недавно он обронил, что ждал, когда ее принесут сами хоски. Размышляя, Джари рассудил, что, видимо, это были не просто слова – очевидно, капирар действительно ждал именно этого. Но кто, какие хоски должны принести девочку, осталось тайной. Когда и в какое место? Какая связь была у капирара с ними – неведомо. Все неизвестно, в какую сторону ни посмотри. Джари раздраженно глянул на труп Скотни. Чего тот добивался от капирара, когда лез на рожон? Занять его место хотел? Перед герераром выслуживался? Вот и выслужился. Занял место. Теперь вместе с капираром на одних камнях с отверстием в груди лежит. А у него голова кругом идет. Выхода для себя никакого не находит. Это не спорить с капираром, зная, что решать все равно будет тот. Здесь надо самому решать вместо капирара, зная, что все теперь зависят от твоего решения. А это, оказывается, ой как непросто. На ум приходит только одно: следует возвращаться назад, не выполнив задания. Но о каком выполнении теперь может идти речь, когда все концы оборваны, когда не за что ухватиться, чтобы потянуть ниточку? Джари набрал в легкие воздух, собираясь выдать решение, но неожиданно для себя произнес совершенно иные слова:

– Сегодня ночью, когда весь город будет спать, выкрадем девочку! – Эти слова, казалось, вылетели из горла сами собой, ибо не смог он обнаружить свою нерешительность и неуверенность перед теми, кто поверил в него, – они наверняка приняли бы это за трусость. Во что бы то ни стало он должен попытаться выполнить задание, чтобы вернуться с триумфом, а не с опущенной головой. Коль хоски не принесли им девочку, они сами возьмут ее.

– А ведунья? – с волнением спросил сордар с черными усиками.

– Ведунья тоже спит ночью! – уверенно ответил Джари и перевел взгляд на третьего. – Посмотри, что на берегу?

Сордар с большим ртом и толстыми губами перешагнул через трупы, встал у скалы на то место, где недавно торчал Скотни, выглянул из-за нее, окинул глазами море и каменистый берег. Никого. Развел руками.

– Смотри, смотри, Хакри, – снова попросил Джари. – Они могут выйти где угодно. Постарайся засечь. – Повернул лицо к сордару с черными усиками. – Жатер, оттащи трупы за тот валун, чтобы долго никто на них не наткнулся.

Тот нагнулся, взял под мышки тело капирара, поволок за валун. Затем перетащил туда же тело сордара Скотни. Тем временем Хакри заметил вдалеке между обломками скал какое-то движение, что-то промелькнуло. Натужился, напряг зрение и скорее догадался, нежели разглядел.

– Кажется, вижу, – сообщил остальным. – Далеко. Идут в город.

Джари тоже припал к утесу, рыская взглядом по осколкам скал на берегу. Жатер, перетащив трупы, присел на камень и блуждающим взглядом ловил в небе мелькающих птиц, точно хотел понять, как быстро они смогут обнаружить мертвые тела, чтобы с криками закружить над ними, привлекая внимание хосков.

– Жаль, что среди нас нет капирара, – с сожалением произнес Джари. – Он бы знал, что сейчас делать.

– Теперь ты наш капирар, – сказал Жатер. – И ты уже решил, что станем делать. Командуй, Джари.

Мимолетное смятение тронуло мозг Джари, пробила пронзительная мысль, от которой он на миг обомлел, стало стремно; признаться, он почувствовал, как затряслись поджилки. А все из-за того, что решение-то он принял, а вот как осуществить, пока не мог сообразить. И мысль яро утверждала, что у него ничего не получится. Не за что было уцепиться, чтобы отринуть ее и ощутить твердость в ногах. Не попутал ли он берега, когда принял на себя командование? Может, не стоило делать этого? Однако теперь отступить поздно. Теперь надо идти до конца. Итак, ломая свою неуверенность, Джари решил действовать по обстоятельствам, наудачу. Темнота ночи может оказать существенную помощь. Впрочем, она может и осложнить все.

– Капирар говорил, что у хосков сегодня праздник, – сказал Жатер. – Вроде давным-давно в этот день к ним являлся их бог.

– Интересно, почему наш бог к ним не явился? – потер лоб Хакри.

– Потому что наш бог выбирал праведных, хоски ему не приглянулись, – уверенно-командным тоном выговорил Джари. – Они должны быть нашими рабами. Капирар говорил, что эта девчонка поможет имрам сделать хосков нашими рабами. Она для них особенная.

По сути, они много знали о ней. Десять дней не прошли даром. Знали, где ее жилище, кто окружает ее, кто родители. Знали, как незаметно подобраться к ее жилью, знали, где многолюдные городские улицы и где безлюдные переулки. Знали, как скрыться в толпе и как остаться незаметными в безлюдных местах города. Джари посмотрел в затылок Хакри и снова спросил:

– Видишь старуху с девчонкой?

– Нет, скалы мешают, – откликнулся тот. – Наверно, они уже на окраине города.

– Тогда и мы идем следом! – распорядился Джари. – Пока присмотримся, чтоб ночью сделать наверняка. Отсюда двигаем поодиночке. В городе встречаемся, где всегда.

Город был обычным, как все города хосков, если не считать того, что значился Первым городом (Пергородом) городарства. Дома невысокие, привычных округлой, овальной и прямоугольной форм, некоторые окружены заборами средней высоты. Как правило, высотой выделялись купола больших божьих домов, внутри которых и за пределами на небольших площадях перед входами толпились горожане, отмечая праздник Бога. Внутри просторных божьих домов в центре на возвышениях священные ведуны в алых длинных накидках и таких же алых платах на головах читали молитвы. Плотно набившиеся прихожане стояли вокруг и беззвучно повторяли слова этих молитв. Праздник назывался Праздником Приобретения Бога. Хоски почитали своего Бога, ибо верили в его могущество. Верили, что он помогает им жить и побеждать врагов, которых вокруг было немало. Верили, что чем больше они будут чтить его, тем могущественнее он будет и тем мощнее будет его защита. Священные ведуны, читая молитвы, внушали, что все кругом взаимосвязано, даже враги между собой. Когда один побеждает другого и принимается поживать на лаврах, то неминуемо скоро наталкивается на внутренний разлад и начинает гибнуть. Эта гибель самих себя от самих себя не почетная и не уважаемая, страшнее иной другой. Поэтому враги должны быть всегда. Но народ должен знать своих врагов и быть готовым к тому, чтобы дать им достойный отпор, потому что рано или поздно они на тебя нападут. А еще священные ведуны учили предугадывать действия врагов, чтобы опережать их на два шага. Праздник Приобретения Бога длится от рассвета до заката. Во всем городарстве хосков в разных населенных пунктах после молитвенных служб проходили праздничные гуляния. Когда Джари, Хакри и Жатер очутились на улицах Пергорода и смешались с веселившимися хосками, день уже перевалил через свою половину и катился к закату. Этот город не нравился

трем имрам, пробиравшимся поодиночке ближе к жилищу Марин. Во-первых, потому, что он ни разу не был захвачен и покорен имрами, во-вторых, потому, что был устроен иначе, чем города имров, с другой формой жилищ, с другой формой божьих домов, с другим богом, с другими привычками и обычаями горожан. Имры их не понимали, а потому боялись.

Неподалеку от жилища Марин они затаились и стали наблюдать. Дом был в два этажа с несколькими входами. Каждый вход для проживавшей там семьи. Семьи хосков, как правило, многочисленны, поэтому возле домов днями всегда было шумное оживление. Дети, взрослые, старики. Ближе к ночи все относительно затихало: окна домов переставали светиться свечным светом, с улиц и переулков уходила суэта. Возле домов становилось тише. Факельные фонари вдоль улиц блекло освещали дорогу для уличных полуночников, которые бодрствовали на улицах, пока не гасли факелы. И только после этого улицы замирали до той поры, когда наступал рассвет.

Имры отслеживали тех, кто мелькал возле дома, кто входил и выходил из него, прислушивались к разговорам, которые изредка едва доносились до них. Впрочем, уследить за жильцами было непросто, ибо улица была заполнена хосками, празднующими Приобретение Бога. Они сновали мимо имров в разных направлениях. Сквозь их гомон невозможно было понять, в жилище ли находится девочка. Имры не видели ни Марин, ни Первую ведунью Хоскии, и это напрягало Джари. Он наметил похитить Марин сегодня ночью, был убежден, что после купания в море они со старухой вернулись в город, но сейчас не был уверен, что Марин в доме. С другой стороны, где еще ей быть? Между тем беспокоило то, что у Марин было несколько сестер, и все они издавна казались ему на одно лицо. Никто из троих имров не видел Марин вблизи. Капирар не подпускал близко к ней, боясь спугнуть девочку. Не мог же он предвидеть, что скоро Скотни всадит в него пулю и его место займет Джари. Поразмыслив над всем этим, Джари решил отправить сначала в дом сордара Жатера. Чтобы тот под видом празднующего хоска забрел туда напиться. Впрочем, можно и под другим надуманным предлогом, главное разноухать, там ли девчонка и где ее угол. Жатер долго чесал за ухом, усердно ломая черты лица разными гримасами обреченности. В конце концов сделал усилие, вздохнул и с постным лицом, а вернее, с кислой миной не стал прекословить и подчинился команде Джари. Крадучись, прилепился к проходящей мимо толпе, затрусил возле, а против дома откололся от нее и затесался в дверь, за которой проживало семейство Марин. Джари и Хакри ждали. Время шло. По их представлениям, он уже должен был выйти, но тот не появлялся. Начинили одолевать разные тревожащие мысли.

И в этот миг оба одновременно увидели идущую к дому старую женщину с девочкой. Изможденная по виду, она должна была бы еле тащить ноги, однако Валли ступала легко и уверенно. Держала девочку за руку. Та покорно шагала рядом, опустив голову и глядя себе под ноги. Проходившие мимо горожане приостанавливались и почтительно приветствовали Первую ведунью. Она кивала в ответ на каждую учтивость и движением руки гасила пыл толпы. Наконец Валли и Марин подошли к дому и скрылись за дверью. У Джари отлегло на душе. Но вместе с тем на сердце стало тревожно. Жатер до сих пор не вышел. Как бы Первая ведунья не раскусила его. Между тем, пока Джари ломал над этим голову, из двери показалась Валли, нырнула в соседнюю дверь, где жили соседи семейства Марин, пробыла там некоторое время и снова показалась на улице. Ее тут же подхватила веселая толпа, проходившая мимо, и скоро все скрылось вдалеке. А Жатер еще не появлялся. Уже не только Джари, но и Хакри стал нервничать, затоптался на месте. Джари жестко пресек:

– Не топчись! Замри!

Гася внутри себя недовольство тем, что Джари разговаривает с ним командным тоном, но помня, что они с Жатером сами поставили его над собой, а также зная, что именно таким тоном говорил с сордарами капирар, Хакри причмокнул толстыми губами и зло прошипел:

– Да где этот вонючий хорь Жатер?

И, словно услышав Хакри, из двери дома показался Жатер в обнимку с отцом Марин. Оба еле стояли на ногах. Долго что-то бубнили между собой, наконец оттолкнулись друг от друга, и отец заковылял назад к двери, а Жатер – вдоль улицы. Его с гомоном подхватила толпа и повлекла вперед. Но он вырвался и, шатаясь, направился прямо в сторону Джари и Хакри. Тот возбужденно вытаращился:

– Он же наакался, усатая харя! Я ему все усы повиыдержваю! – пообещал и стал ждать, когда Жатер приблизится.

Тот подошел твердой походкой, будто еще некоторое время назад они видели на улице другого Жатера, которого плохо держали ноги. Не успели задать вопросы, как Жатер сообщил:

– Познакомился с отцом девчонки. Он в честь Праздника в три горла лакал хмель. Крепким оказался хоска. Пришлось долго ждать, пока хмель не шарахнет по его мозгам.

– Как будто ты меньше надрался, – насмешливо хмыкнул Хакри. – Видели мы, какой вышел на улицу.

– Я прикидывался, – отмахнулся Жатер. – Пришлось хлебнуть, конечно, поначалу. Но потом пропускал. А он без стопоров заливал свою глотку. Но успел показать свое жилье. Теперь знаю, где среди пятерки сестер угол девчонки.

Ночью, когда на городских улицах погасли фонари, хоски угомонились, отпраздновав Праздник Приобретения Бога. Имры, чья одежда приобрела цвета ночи, скрыли повязками лица, вошли в дом. Изрядно охмелевший отец не запер дверь. Благодаря сильному зрению, которым обладали имры, впрочем, как и хоски, пригляделись в темноте. Жатер уверенно двигался вперед. Джари, проходя мимо спящих, совал каждому из них под нос пузырек с усыпляющим дурманом. Чтобы не проснулись, если имрам без шума не удастся сделать дело. В отделении для дочерей подошли к спальному месту, где должна была спать Марин. Оно оказалось пустым. Глаза Жатера растерянно заматались по другим спальным местам. Выудили еще одно пустое место. Ошарашенно Жатер двинулся по другим отделениям в доме. Усыпляя всех дурманом, имры стали в темноте искать Марин. Жатер был в оторопи.

– Как так? – то и дело заунывно твердил он. – Я же сам видел, как старуха привела девчонку, а потом ушла. Я всех пять девчонок видел, когда их отец после старухи водил меня по отделениям и показывал домочадцев! К тому же, когда мы с ним поплелись на улицу, все пять были здесь, – озадаченно вещал Жатер и разводил руками. – А теперь двоих не хватает. В зойлю провалились, что ли? Не могли же они испариться, – произнес Жатер себе в оправдание скороговоркой.

– Давайте возьмем какую-нибудь из оставшихся! – вдруг предложил Хакри и раскраснелся от своего предложения, хотя никто в темноте этого не видел. – Никто там не разберет, та это или не та. На капирара все свалим. Скажем, что он выбрал девчонку.

Джари предложение не понравилось. Оно было непроходным. Возможно, если бы он по-прежнему оставался сордаром, он бы и пошел на подлог, но сейчас он чувствовал себя если не капираром, то чем-то средним между капираром и сордаром. Не мог он теперь упасть в глазах Жатера и Хакри до уровня Хакри. К тому же где-то глубоко в душе он надеялся, что при успешном выполнении задания герерар отметит его повышением. И он не останется дальше сордаром. Посему предложение Хакри не принял. И тот по нервной отмашке Джари понял это. Раздосадованные неудачей, они шагнули к выходу. Вышли из дома в отвратительном состоянии духа. Никто не понимал: куда могли исчезнуть две дочери из пяти? Отошли от дома буквально несколько шагов и почувствовали, как сверху на них что-то упало, сковывая движения. Пока разобрались, что это была сетка, на них навалились несколько хосков, придавили. Джари до изнеможения рвался из последних сил, ругался, скрипел зубами, сознавая, что угодил в ловушку, однако не постигал, как это могло случиться. Между тем чувствовал, что сейчас рушились все его надежды, и вообще все впереди для него превращалось в неопределенность. Жатер извивался змеей, хрипел, плевался, пытаясь разорвать сеть и вцепиться в горло хотя

бы одному из тех, кто навалился на него. И только Хакри почти не сопротивлялся – видимо, сразу до него дошло, что все бесполезно, западня захлопнулась плотно, зубами не выгрызешь. А может быть, надеялся на удачу впоследствии, когда все прояснится.

Их распластали на зойле. Сбросили сетку. Разоружили. Связали. Подняли. Зажгли факелы. Имры увидели, что были в окружении воинов, а перед ними стояла Первая ведунья хосков, Валли. Никто из имров не ожидал сейчас встретить ее. Невероятно, но при виде Валли они похолодели. Нехорошее предчувствие ударило под дых. Разумеется, душа в пятки не ушла, но кровь застыла в жилах. Офирер хосков с витыми погонами на плечах посмотрел на Валли:

– Ты была права, Валли. Они пришли. Я забираю их.

– Заберешь, когда я поговорю с ними! – отозвалась старая женщина и повернула лицо к имрам. – Двое из вас на берегу убили друг друга. Почему вы не сделали так же?

Вопрос привел имров в замешательство. Им показалось, что он походил на приговор: дескать, коль сами не убили друг друга, хоски сделают это за вас. Они переглянулись, не ведая, как отвечать.

– Я десять дней отслеживала вас, потому что все время вы кружили вокруг девочки. Сегодня на берегу мое внутреннее зрение и прибрежные камни подсказали мне, где вы, сколько вас, что среди вас совершились убийства и что этой ночью замышляете прийти за Марин. Потому я предприняла необходимые меры по защите девочки. И теперь вижу, что все сделала правильно.

Имры опять переглянулись. Джари силился показать на лице спокойствие и уверенность, но пламя факела выхватывало тревожное подергивание щек. Глаза Жатера застыли, точно помертвели. Толстые губы Хакри едва заметно дрожали. Валли выдержала паузу, давая им время на раздумья, затем приподняла на уровень лица худую морщинистую ладонь:

– Зачем вам девочка, имры? И не говорите мне, что не знаете! – повысила она голос. Глаза Первой ведуньи, казалось, вытягивали из них души.

– Она особенная, – не вытерпел ее взгляда Жатер. – Так говорил капирар. А мы сордары. Все знать нам не положено. Мы выполняем команды.

– Чью команду ты выполнял сейчас, ведь капирара нет в живых?

У Жатера мурашки забегали по телу, поскольку в этот миг он подумал, что Валли знает ответ на свой вопрос. Но показать пальцем на Джари не поднималась рука, ибо хоть Джари и командовал теперь и принял такое решение, но, по сути, он оставался одним из них, знал не больше них и мог столько же, сколько они с Хакри. Волнение Жатера усиливалось, сердцу уже не хватало места под ребрами, оно било в грудь, как молот по наковальне. И тут на помощь ему пришел Джари. Того пронзила мысль, что прятаться за спины Жатера и Хакри недостойно воина. Он выступил вперед.

– Почему? – Валли посмотрела на Джари. – Ведь капирар десять дней не отдавал приказа похитить девочку. Что заставило тебя изменить его намерения? Если хочешь остаться живым – отвечай. Если хочешь уйти вслед за капираром – молчи.

Разумеется, уходить вслед за капираром Джари не собирался, но боялся, что Первая ведунья хосков не сдержит слово после того, как он развяжет язык. Выдохнул:

– Обещаешь?

На изможденном лице Валли, по которому огни факелов гоняли серые тени, мелькнуло недоумение. Задавать такие вопросы Первой ведунье у хосков не было принято. Всем известно, что всякое сказанное ею слово имело свое неизменное значение. Если она говорила «да», не стоило думать, что оно обернется словом «нет». Если говорила «нет», не стоило ждать, что оно станет словом «да». Но у имров, видимо, все было иначе, поэтому Валли доходчиво пояснила:

– Я Первая ведунья в городарстве хосков, если я сказала, то так и будет. Ведунья не может обещать, ведунья может сказать точно, что с тобой станет. Отвечай, и ты останешься жить. Все трое останетесь жить.

По телу Джари разлилось удовлетворение. Краем глаза он пробежал по Жатеру и Хакри, уловил, что напряжение с них тоже стало медленно сползать. Затем уставил взор на Валли:

– Намерения капирара исполнить мог только капирар. Но он мертв! – сделал паузу, прежде чем выговорить то, что являлось безусловной тайной капирара, и Джари нужно было превозмочь себя, отважиться, чтобы выдать ее. Впрочем, это была не его тайна, к тому же капирара нет в живых, а ему с Жатером и Хакри следовало выжить. Если бы его сейчас спросить, зачем им выживать, вероятно, он запнулся бы, ища ответ. Хотя тот был прост, как камень под ногами. Обыкновенно: имры не хотели умирать. Джари оборвал паузу и выдавил из себя: – Капирар ждал, когда хоски сами принесут ему девчонку.

– Сами? Принесут? – изумленно опередил Валли офицер и шагнул ближе. – И кто должен был принести?

– Этого я не знаю, – пожал плечами Джари. – И никто из нас не знает, – мотнул он поникшей головой.

Посмотрев на Валли, офицер сконфуженно отступил. Он нарушил субординацию, вклинившись в ее разговор с имром. Первая ведунья могла наказать за это. Однако он интуитивно почувствовал, что ничего подобного не произойдет, ибо заметил, как на непроницаемом лице Валли не возникло недовольства. Очевидно, его вопросы были созвучны с теми, какие собиралась задать имру она. И когда услышала ответы, увидела, что они были искренни. Заметила:

– Вижу, говоришь правду, сордар.

«Еще бы говорить неправду, когда жизнь подвешена на волосок!» – мелькнуло в голове у Джари. Впрочем, Жатер и Хакри тоже боялись, чтобы Джари не поддался искушению и не соврал, поскольку Первая ведунья сразу учует вранье, и тогда всем конец. И то, что Джари сказал правду, а Валли приняла ее, успокоило их. Жизнь стоила того. С этим можно было согласиться, а можно не согласиться, ибо бывают моменты, когда жизнь и смерть лежат на весах и весят одинаково. Качнись вправо – останешься жив, качнись влево – примешь смерть. И решать, куда качнуться весам, предстоит тому, чья жизнь и смерть лежат на них. Именно ему самому определять, стоит ли жить дальше или принять смерть. Джари выбрал жизнь. Первая ведунья спросила:

– Что еще можешь добавить, сордар?

– С кем-то в Пергороде у капирара была связь, но мы не знаем с кем, – присовокупил от себя Джари, чего не слышал от капирара, но в чем смекал.

Вслед за его словами Жатер и Хакри закивали. Однако морщины, изрезавшие щеки Первой ведуньи, по-прежнему не шевельнулись, что говорило о ее выдержке и о том, что она догадалась: имрам кто-то сообщил тайну хосков. Длинная пауза, которая последовала после слов Джари, показывала, что догадка обескуражила Валли. Пауза была настолько долгой, что офицер позади Первой ведуньи принял молчание за оцепенение, стал проявлять нетерпение, сбоку вглядываться в ее профиль, словно хотел подтолкнуть старую женщину, чтобы вывести из онемения. Впрочем, сделать это не решился. И правильно поступил, ибо не было никакого оцепенения. Обыкновенно: Валли безмолвно неторопливо перебирала в голове всех ведунов, знавших о тайне Марин, и пыталась осмыслить, кто из них мог купиться на посулы имров. Ответ в голову не приходил. Да и не мог прийти сразу, ибо вычленив ведуна из Высшего Совета непросто. Ведуны способны защищать плотной аурой свой мозг, чтобы в него никто не мог проникнуть. Однако на то она и Первая ведунья, чтобы уметь делать то, что другим не под силу. Только наскоком это не получится. Нужно время и напряжение сил, которых у нее становилось все меньше. Между тем сейчас это самый важный вопрос, решение которого нельзя затягивать. Валли сделала глубокий вздох и повернулась к офицеру.

– Забирай их! Доставишь к месту – развяжи! – Затем посмотрела на Джари. – Ты будешь жить, сордар, потому что сказал правду, – провела взглядом по Жатеру и Хакри. – Все остане-

тесь жить, – успокоила она. И вновь глянула на Джари. – У меня еще будут к тебе вопросы, а у тебя, надеюсь, будут ответы на них.

Офирер выступил из-за ее спины, скомандовал имрам:

– Пошли!

Валли дождалась, когда свет факелов в руках воинов, окруживших имров, удалился вместе с ними, и шагнула к двери в жилище соседей родителей Марин.

4

В это время семья родителей Марин повально спала. Дурман долго не отпускал домочадцев из своих мягких лап. До рассвета оставалось немного. В отделении дочерей два спальных места пустовали. Из другого отделения доносился тяжелый храп отца, которому не нужен был дурман, ибо хмель положил его на лопатки. Рядом с ним спала мать пяти дочерей. Если бы она не была одурманенной, женщина уже не раз ткнула бы мужа в бок, чтобы заставить повернуться на бок и не храпеть. И тот повернулся бы, бурча себе под нос невесть что.

Затихал бы на короткое время, а потом все начиналось бы вновь. И так всю ночь. Но сейчас она не слышала его храпа. Сейчас она не чувствовала приближения рассвета, хотя всегда просыпалась очень рано, стоило только первым солнечным лучам показаться из-за горизонта и посеять панику у отступающей плотной тьмы. Надо сказать, что и Марин любила просыпаться вслед за матерью: тогда день становился долгим и более интересным. Можно было многое успеть, и это девочке безмерно нравилось.

Обычно, проснувшись, она открывала глаза, но не вскакивала сразу, нет, сначала мечтательно смотрела в потолок, по которому блуждали серые тени, остатки изгоняемой лучами солнца ночи. Потом вспоминала день прошедший, перебирала в голове все, что приятно было вспоминать, затем в голову приходило то, как с утра должна помочь матери по хозяйству. И вот тогда бежала умываться, после этого присоединялась к вечным делам матери. Далее неслась в школу, а по окончании занятий погружалась в свои детские дела. В одно из мгновений, когда Валли еще не раскрыла ей тайну ее рождения, Марин ощутила в себе какую-то странную потребность познать все о своей планете Зойля, о Солнце, о том, что есть там, за Солнцем, и о звездах в высоком небе. Но уже сейчас понимала, что хоскам нынче не до того. В воздухе висела угроза нового сражения с имрами. Как будто запахом гари тянуло от рубежей их государства. К тому же старожилы говорили, что так было всегда перед битвой. Воины готовили себя к сражениям, вылавливали лазутчиков-имров, количество которых день ото дня росло, выискивали хосков, кои купились на вражьи посулы. Для Марин все было ново, и она старательно впитывала эту новизну. После моря она с Валли посетила божий дом и праздничные гулянья, в конце которых услышала от Первой ведуньи, что ночью имры хотят похитить ее, и в этот миг Марин отчетливо ощутила новый запах гари. Валли у всех на виду проводила ее в родительский дом. Но уходя, наказала Марин, чтобы та после гостя, в котором Первая ведунья сразу определила имра, дождалась, когда мимо дома пройдет большая веселящаяся толпа, и прошмыгнула в суматохе к соседям. Марин так и сделала. Тогда же к ней прилепилась сестра Танни. Пришлось взять ее с собой. Обе скользнули в соседскую дверь. Соседка, предупрежденная Первой ведуньей, не стала отказывать второй девочке и спрятала обеих. И вот в данный момент Валли направилась к соседскому жилью. Угроза похищения миновала, и можно было вернуть девочку в семью. В дверях Валли встретила хозяйка жилища, уже немолодая, но еще не старая невысокая женщина.

– Что-то случилось? – спросила. – Ты не спишь и пришла среди ночи. Марин тоже никак не заснет. Я несколько раз подходила к девочкам. Чувствую, не спит Марин. Она не одна, с нею ее сестра Танни, та крепко спит. Я тоже не сплю. Как я же я могу спать, когда Первая ведунья Высшего Совета поручила мне стеречь девочек? – сказала Галли и в темноте повела Валли в отделение, где уложила их. – Что произошло, Валли?

– Все закончилось, Галли, – отозвалась Первая ведунья. – Опасность предотвратили защитные сордары.

– Плохое время, плохое время, – пробормотала Галли негромко. – Даже девочек приходится прятать. – Подвела к ним. – Вот они, здесь.

Неожиданно раздался голос Марин, и она вскочила на ноги:

– Валли, я не могла заснуть! Когда закрывала глаза, чувствовала, как кто-то дышит на меня, тянет из постели за собой! Я ждала тебя! Скажи, что со мной?

– Ты сильно переволновалась, Марин, – сказала Валли бесстрастным голосом, хотя ей не понравились ощущения, которые испытывала девочка среди ночи. Это определенно были ее предчувствия того, что может произойти, и они не понравились Первой ведунье. Тем не менее она не подала вида и сообщила: – Но теперь угрозы позади, тебе можно вернуться к родителям. Там будет спокойно, и ты выспишься. – Помолчала, подумала: все-таки предчувствия девочки встревожили Валли, их определенно нельзя было игнорировать, следовало предотвратить то, что могло произойти. Старая женщина притянула Марин к себе и требовательно произнесла ей в самое ухо: – С этой ночи дома не ложись больше на свое спальное место. Поменяйся местами со своей сестрой Танни. Так надо! Я знаю, что так необходимо! – Отстранилась, глянула ей в глаза. В темноте не разглядела удивление в них. Спросила: – Ты сделаешь это? – Увидела, как девочка закивала в ответ. – А теперь отправляйся к себе. Тебе надо выспаться.

– Я не сплю днем, Валли! – выдохнула девочка. – Днем всегда много дел, которые надо переделать.

– У тебя впереди длинная жизнь, – напомнила Валли. – Ты успеешь переделать свои дела. Будь сестру и возвращайся домой! – голос Первой ведуньи стал требовательным, не терпящим возражений.

– Пускай останутся здесь до утра, – встряла в разговор Галли, тихо стоявшая сбоку. – Дома уже вряд ли уснут. Да и вообще в жизни, может, поспать мало придется. Как знать, что у них будет впереди.

– Не пугайся того, что будет, Галли, потому что оно никого не минует, – посоветовала Первая ведунья. – Ты не знаешь, чем оно станет для тебя. Надейся на лучшее. И твои мысли помогут сделать его таким, каким тебе хочется.

Галли грустно переступила голыми ногами по скрипучему полу. Опустила лицо, на котором в глазах хозяйки застыло недоверие.

– Нам только кажется, что мы знаем, чего хотим в будущем, Валли, а на самом деле все, что мы хотим, – это то, что уже прошло, но желательно, чтобы оно повторилось в улучшенном виде.

Старая сухонькая женщина, у которой за спиной была длинная жизнь, а впереди оставался ее маленький отрезок, должна была бы согласиться с Галли и сокрушенно вздохнуть, между тем она живо отринула ее унылый тон:

– Ты рассуждаешь так, как некоторые ведуньи, которые живут прошлым. Но прошлое минуло. В нем надо помнить хорошее, но и плохое нельзя отбрасывать, чтобы не повторять больше. Не забывай, что женщина-хоска дает не только жизнь новым хоскам, но должна наполнять эту жизнь силой и мужеством. Нам сейчас нужно сильное войско, потому что враги скоро придут, чтобы поработить хосков. Я чувствую это.

Хозяйка жилища, минуту назад стоявшая с потерянным лицом, резко вскинула голову, выпрямила спину, вздохом подняла грудь.

– Я никогда не забываю этого, Валли! – уверенно зазвучал ее голос. – Просто хочется, чтобы новые воины-хоски больше не гибли в сражениях с врагами. Разве женщины врагов не хотят того же?

– Наверное, хотят, – отозвалась Первая ведунья, – но, возможно, больше хотят, чтобы их воины убивали своих врагов. Ведь воины рождаются для того, чтобы сражаться. Вкус победы прибавляет храбрости.

– Часто те, кто хочет убивать других, сами становятся жертвами! – тихо прозвучал голос Галли. – Воины-хоски должны показать врагам, что их места среди жертв!

Первая ведунья, удовлетворенная словами Галли, взяла ее запястье и слегка пожала в знак одобрения. Тем временем Марин разбудила и подняла на ноги сестру Танни, и они дви-

нулись к двери. Женщины проводили их взглядами. После чего Первая ведунья тоже покинула жилище.

Воины-хоски доставили Джари, Хакри и Жатера в стражное отделение. Офицер передал их стражам. Имров поместили в мрачное небольшое помещение, похожее на каменный мешок, с маленьким оконцем, больше похожим на отдушину. После наступления рассвета через это оконце проникли солнечные лучи, и темнота внутри превратилась в блеклую серость, сквозь которую стало видно друг друга. Они сидели на каменном полу с убитым видом, подтянув к себе колени. Лица спрятаны между коленями. Молчали. О чем теперь можно говорить, когда знали только то, что их оставили в живых, но что станет с ними дальше, совершенно неясно. Тут ли они останутся, либо их отправят в другое место, уже не имело значения. Первая ведунья пообещала новую встречу, чтобы задать другие вопросы, но как долго ждать – неизвестно. Джари чувствовал полную опустошенность мозга. Что еще мог добавить к тому, что уже сказал, совершенно не представлял. Сейчас ему казалось, что глаза Хакри и Жатера, которые прежде умоляли, чтобы он не навел на них смерть, сейчас смотрели осуждающе и отталкивающе. Особенно это заметно было, когда днем им принесли еду и они сидели, скребли ложками по площадкам, кидая взгляды друг на друга и отводя в стороны при пересечении. Все быстро меняется, пришло в голову Джари. Любопытно, как они будут смотреть на него, когда Первая ведунья начнет задавать новые вопросы, которые станут касаться их? Опять сникнут и начнут взглядами заклинать, чтобы он выгораживал их, либо так и будут смотреть, как сейчас? Нет, видимо, все-таки будет первое. Отставив от себя площадку, Джари встал на ноги и прошелся вдоль стены. Через оконце сноп солнечных лучей рассыпался по полу и захватывал часть противоположной стены. Попадая под этот сноп, Джари чувствовал тепло. За этим маленьким оконцем стояла привычная жара, а в каменном мешке было прохладно и сыро. Джари остановился против Хакри и Жатера, сидевших на полу. Расставил ноги, как обычно делал капирар, и уставился на сордар. Оба заерзали под его взглядом и со скучными лицами стали подниматься с пола. Молчком мало-помалу задвигались, стараясь попадать в полосу солнечных лучей, ощутить тепло. Топтались до тех пор, пока не прорвало Хакри.

– Ну и что дальше? – спросил он. – Долго будем сидеть в этой каменной клетке? Выклянчить себе жизнь ради площадки еды и этой дырки в стене, сквозь которую ловим теплые лучи и хватаем ртом воздух, стоило ли стараться? – Неприязненно ослабилась, большой рот и толстые губы растянулись, обнажая крупные зубы, выражение лица стало отчужденным и диковатым. – Я сордар городарства имров, мне нужны сражения с хосками! Я должен убивать их!

– Чтобы сражаться, надо выжить сначала, – раскрыв плотно сжатые губы, пробурчал Жатер, и его черные усики на верхней губе задергались.

– В этой клетке вряд ли выживешь! – глянул на него с яростью Хакри. – Но если и выживем, то выйдем отсюда умалишенными. Надо что-то придумать, чтобы бежать.

– К нам обещала еще навеститься Первая ведунья хосков, – прижавшись широкой покатою спиной к каменной стене, поднял лысую голову Джари, свел брови к переносице; впрочем, бровей у него не было, правильно сказать – свел к переносице надглазные дуги, собрав кожу в складки. – Неплохо было бы послушать, чего она хочет.

– Зачем нам это надо? – равнодушно пожал плечами Хакри.

– Вот именно, – зашевелился Жатер, заметно напрягся, сглотнул слюну, часто заморгал глазами. – Все равно не отпустит.

– А я бы послушал, – перевел на него взор Джари.

Почти вплотную к нему подступил Хакри и с остервенением стал выплескивать жар изо рта, лицо его горело:

– Послушал? Я не хочу слушать хосков! Мне противна эта гнилая старуха, которую в Хоскии все слушают! Я сордар-имра! Я обязан сражаться с врагами городарства имров! Я хочу

убивать хосков! Я хочу их давить везде, где только увижу! В море, на берегу, в горах, в лесах, в оврагах, в их городах, в их жилищах и даже в этой каменной клетке, куда они нас засадили! – Тон был таким, будто он обвинял во всех неудачах Джари, словно устраивал тому разнос.

Естественно, Джари это взвинтило, и он сорвался, как нередко случалось с капираром, качнулся вперед, схватил за плечи Хакри, встряхнул и прижал к стене:

– Разве ты один хочешь этого? Или ты один здесь сордар великих имров? Заткни рот и больше не пищи, пока не услышали хоски!

Попытавшись вырваться из его крепких рук, Хакри заскрипел зубами от злости: Джари держал мертвой хваткой. Но ярость выносила мозг у Хакри.

– Не затыкай мне рот! – прохрипел он с ненавистью. – Ты больше никто! Мы выбрали тебя, чтобы вернуться в Имрию с девчонкой, а ты затащил нас в эту каменную клетку! Ты плохой сордар. Ты наш враг! Ты прогнулся перед хосками.

Не сдержавшись, Джари ударил его в живот. И, когда тот согнулся пополам, жестко произнес над ним:

– Никогда не смей обвинять меня в том, чего нет! Я спас тебя от смерти! Но, видно, зря сделал это!

Жатер ошарашенно смотрел на них. Все произошло так быстро, что он не успел сообразить, чью сторону принять. Только и смог вытолкнуть из себя вместе со слюной:

– Эй, вы что, озверели? Заткнитесь оба, а то стража услышит!

– Ты что, заодно с ним? – отдышался Хакри и мотнул головой в сторону Джари.

– Я не с ним и не с тобой! – нахмурился Жатер, дергая усиками. – Я сам по себе!

Медленно трое разошлись по сторонам. Застопорились у стен, отвернулись друг от друга. Снова потянулось молчание. Теперь они были на равных: каждый сам за себя. Между тем всяк понимал, что в одиночку никому из них не выбраться, но единство раскололось, и соединить вновь три осколка будет непросто, если вообще удастся. Джари и Жатер не ожидали таких выпадов от Хакри. Прежде они знали его другим. Но, очевидно, нужно было попасть именно в такие обстоятельства, в каких оказались они, чтобы каждый проявил свое скрытое нутро. Когда безысходность и неопределенность начинают давить на сознание, тогда управлять собой становится невозможно. Однако даже по этим меркам Хакри взбесился очень рано. Вероятно, им управляло нечто иное. Возможно, слабость. Быть может, трусость. А может, тонкий расчет на будущее. Сказать трудно. Только он мог ответить на этот вопрос. Но он вряд ли захочет отвечать на него. Так, в молчании, потянулось время к вечеру. В течение этого времени еще раз приносили тарелки с едой. Все сосредоточенно жевали, выскребая тарелки до дна. Потом наступил вечер. Солнечный свет из оконца медленно гас, погружая каменный мешок в темноту. Перед сном стража вывела их поодиночке на двор, чтобы справили нужду, а после бросила им три тюфяка, набитых шерстью. Имры молчком растащили их и так же молча улеглись на них. Долго ворочались с боку на бок, прежде чем заснуть. Спали по-сордарски чутко, хотя в этом каменном мешке уловить шумы за толстыми дверями и за оконцем было трудно. Разбудили их скрип приоткрывшейся двери и негромкий зовущий клич:

– Имры, вы живы тут?

Они оторвали головы от тюфяков, сонно поворачивая головы на зов.

– Я спрашиваю, вы живы? – вновь раздался тот же голос.

– Живы! – отозвался Джари, почувствовав, что остальные ждут его отклика. Таковы превратности судьбы: с одной стороны, днем они отвергли его руководство, но, с другой, в непредвиденных пугающих обстоятельствах вдруг вспомнили, что избирали старшим его. Он усмехнулся. После этого спросил: – Кто это?

– Тебе не нужно знать, кто я! – грубовато прозвучало в ответ из темноты. – Никогда не задавай таких вопросов, иначе укоротишь свою жизнь!

Предупреждение было неприятным, более того, мгновенно смыло остатки сна с мозга Джари и остальных. Проглотив окрик, он умолк, но тут же любопытство взяло верх.

– Чего надо? – буркнул.

– Выходите! – скрип двери указал на то, что та распахнулась шире.

В этот миг у Джари мелькнула мысль, что за ними прислала Первая ведунья. Неудовольствие разлилось в сознании: не могла подождать до утра. Прошлую ночь не спали, днем не удалось прикорнуть, и этой ночью сон скомкали. Ну кому придется это по вкусу? Джари поморщился:

– К старухе, что ли?

Ответа не последовало. И тогда по извилинам мозга разлилось, что, возможно, Первая ведунья не имеет к этому никакого отношения. Джари медлил.

– Не тяни время! – стегнул окрик, подгоняя. – Его не так много у тебя!

«Что значит не так много?» – ударило ему в голову. Неужто его надежды на жизнь рухнули? Эх, имра, имра, провели тебя, как сопливого щенка, нельзя верить хоскам, их надо убивать всегда и везде. Подделом тебе за то, что утратил нюх и мозги, слушая посулы старухи. Сгоряча досадливо обронил:

– Обманула Первая ведунья. Обещала жизнь.

– Я дам тебе больше! – услышал вдруг.

Это было неожиданно и мгновенно насторожило, потому что непонятно, как воспринимать такой посул. Стоит ли доверять темноте, из которой несется незнакомый голос? На всякий случай спросил:

– А что больше жизни?

– Возможность жить на воле и с удачей! – раздалось уверенно и отчетливо.

Очевидно, такое обещание должно было окрылить Джари, однако вместо этого в его душу закралось новое недоверие:

– Ты не бог, хоска, – пробормотал он.

– Нет! – охотно подтвердил хоска от двери и хлестко выдал: – Но капирар давно бы оторвал свой зад от тюфяка, если бы оказался на твоём месте!

Упоминание капирара подстегнуло Джари. Он вскочил на ноги, словно ощутил его дух. Жатер и Хакри последовали примеру, не понимая, что происходит. Джари пока тоже не понимал, но чутьем уловил, что надо подчиниться. Шагнул к двери. Двое пошли за ним. В дверях в темноте едва разглядели низкорослого хоска. Ворот одежды высоко поднят. Голова наполовину утопала в нем, торча затылком вверх. Лица не разглядеть. Он повернулся спиной к имрам и двинулся по узкому каменному коридору, из-за угла которого едва выбивался тусклый свет факела, освещая небольшой уголок. Они молчком двинулись следом в противоположную сторону. Ощутили запах дыма от чадивших недавно затушенных факелов на стенах. Обнаружили несколько лежавших на полу обездвиженных тел стражей. Перешагивая через них, ни о чем не спрашивали хоска, за которым шли. Наконец подошли к выходу. Хоска распахнул дверь. Первым, что увидели имры, было темное небо с редкими блеклыми звездами на нем. Факельные фонари уже погасли. В нос ударили свежие запахи улицы. У Джари задрожали ноздри, Жатер часто шумно задышал ртом, у Хакри забулькало в горле. Не говоря ни слова, хоска отвел их шагов на триста от стражного отделения и завернул за угол. Там в темноте стояла лошадь, запряженная в повозку. Хоска исподлобья глянул на Джари:

– Тебе следует сделать то, что не смог выполнить капирар. Он должен был забрать из моих рук девочку, и забрал бы, если б остался жив. Но после его смерти ты поспешил, сор-дар. Стал тягаться с Первой ведуньей Высшего Совета ведунов и проиграл.

Джари обдало жаром, лицо вспыхнуло, ему даже показалось, что во тьме тот, кто говорил с ним, увидел эту вспышку и почувствовал жар от него. Разумеется, это было бредом, паранойя

какая-то, не иначе, потому что такого не могло быть. Между тем он растерялся и пробубнил, оправдываясь:

– Я не подозревал об этом.

Спрятанная в ворот голова хоска по-прежнему торчала затылком вверх, и Джари, приглядываясь в ночи, никак не удавалось увидеть лица, что начинало раздражать имра. Хоска тем временем произнес:

– Исправь ошибку, сордар. Только теперь все изменилось. Мне сейчас нельзя рисковать, имра. После твоей неудавшейся попытки Первая ведунья направила свое внутреннее зрение на защиту девочки, и, если я появлюсь возле нее, Валли увидит меня. Но ты еще сможешь все сделать, если проворно войдешь в жилище, быстро заберешь девочку и умчишь ее на этой повозке. – Хоска протянул Джари пузырек. – Вот тебе дурман! Где находится жилище, знаешь. Запоры я открыл. Сажай в повозку сордар и не теряй времени. До рассвета ты с Марин должен быть далеко от Пергорода!

Только что Джари раздражался, не видя лица хоска, но, выслушав его, воспрянул духом. Раздражение пропало, утонуло в ворохе других мыслей, которые ухватились за предоставленную возможность. Глупо было не воспользоваться ею. И не нужно ему видеть лица хоски, пусть прячет и дальше – вероятно, для этого у того есть причины. Главное, он вытащил их из стражного отделения, положил всю стражу. Джари набрал в легкие воздух. Запрыгнул в повозку, взял вожжи. Хакри и Жатер запрыгнули за ним. Лошадь сорвалась с места и понеслась вдоль темной улицы. Хоска шагнул в другую сторону.

Повозка подкатила к дому, где жила Марин. Имры неслышно вошли в дверь и двинулись по отделениям, поднося дурман к спящим. Потом в темноте подняли со спального места Марин девочку, вынесли на улицу. Положили на повозку, прикрыв одеялом сверху. Прыгнули сами, и повозка, качаясь на пружинах, быстро покатила по улицам города.

Когда из-за горизонта забрезжили первые лучи солнца, повозка уже была далеко от Пергорода. Лошадь уносила ее в сторону пределов городарства Имрия. Целый день, объезжая другие города хосков, имры сокращали расстояние до своей цели.

А в стражное отделение Пергорода утром прибыла смена стражей, обнаружила на полу мертвые тела и пустой каменный мешок. Тут же сордары Хоскии пустились в погоню, но время было упущено, и догнать имров не удалось. Тогда же в стражное отделение отправились три ведуна Высшего Совета, чтобы установить, кто помог имрам. Подбирая длинные полы мантии, они склонялись над телами, рассматривали, ходили по каменному мешку, заглядывали в углы, трясли тюфяки, бормотали что-то себе под нос. В поведении каждого виделась осторожность.

Через некоторое время в дверях стражного отделения показалась Первая ведунья. Без мантии, в одежде, в какой была у моря вместе с Марин. Изможденное, изрезанное складками лицо выглядело усталым. Спокойно осмотрела трупы и каменный мешок, после чего подозвала к себе ведунов.

– Что высмотрели, мудрые? – спросила старческим простуженно-сипловатым голосом.

Ведуны переглянулись, решая, кому первому начать. Все были низкорослыми. Один с прищуренными глазами, второй с отвислой нижней губой, третий с родинкой на кончике носа. Не успели определиться, кому начать, как с улицы возник офицер, который доставлял имров в стражное отделение. Громко сообщил:

– Ночью похищена одна из сестер Марин. Вся семья была одурманена настоем и проснулась недавно. Я оттуда. Искал тебя, Валли.

– Кто похищен, офицер? – оживилась та.

– Сестра Танны, Первая ведунья, – почтительно понизил он тон.

Валли погрузилась в паузу, сомкнув веки. Все ждали. Затем произнесла:

– Значит, я все сделала правильно. Но не думала, что это случится так быстро. Теперь многое понятно. – Глянула на ведунов. – Слушаю вас, мудрые.

Вперед выступил ведун с родинкой на кончике носа.

– Здесь все понятно! – сказал он. – Имрам помог один из стражей, а они потом убили его.

– Ты заблуждаешься, мудрый, – не дал договорить ему ведун с прищуренными глазами. – Где следы от пуль или ножей на телах стражей? Их нет!

– Это же очевидно, – покривился тот, что с родинкой, недовольствуя, что его предположение отвергли. – Имры дали стражам понюхать смертельный отвар. Тот мгновенно умертвил их.

– Откуда у имров появился смертельный отвар? – удивился оппонент.

– Принесли с собой! – Родинка на кончике носа ведуна дернулась вместе с носом.

– Я прерву вас, мудрые, – вмешался офицер, – но принести с собой они никак не могли! Мои защитные сордари обыскивали их, когда схватили, а здесь, в стражном отделении, стража раздевала догола, все прошупывала. Я видел это, мудрые!

Ведун с родинкой нахохлился, покосился на того, что с прищуренными глазами:

– Тогда скажи, как видишь ты!

– Ты прав, мудрый: имрам помог один из стражей, – прищурился тот так, что глаза стали узкими щелками. – Но у них не было смертельного отвара. Отвар был у стража. Он убил остальных и выпустил имров. А те после убили его. И похитили Танни.

– погоди, мудрый, не сходитесь у тебя тоже! – замахал руками ведун с отвислой нижней губой. – Зачем имрам убивать стража, если он помог им бежать? Вдобавок имров ждали лошади, иначе они быстро не похитили бы и не исчезли из города.

– Что усматриваешь в этом, мудрый? – пытливо въедался в него взглядом тот, что с родинкой на носу.

– Пока теряюсь в догадках, – глубоко вздохнул визави. – У меня в голове все перепуталось. – Он сильнее выпятил нижнюю губу. – Но похоже, все было не так, как мы представляем, – отрицательно замотал головой. – Пока не вижу как. Мне следует успокоиться, чтобы мой внутренний взор стал яснее! Я встревожен. И мне это не по душе.

– Оставь его, мудрый, дай успокоиться. – Прищуренный положил ладонь на плечо тому, что с родинкой. – Ты же знаешь, он всегда долго думает, но часто попадает в цель. Подождем, когда приведет в порядок мысли. А сейчас, – повернул лицо к Валли, – попросим Первую ведунью сказать свое видение! Мы свое уже высказали.

Все взоры устремились на Валли. Ее рассеянный взор прошелся по лицам ведунов. Можно было по-разному понять этот взгляд. С одной стороны, будто она уже все постигла, но с другой стороны, будто мысли ее далеко отсюда и она еще не думала над обстоятельствами случившегося. Тем временем ведуны ждали. Валли провела морщинистой рукой по редким волосам и негромко выдохнула:

– Рано искать ответ, мудрые, прежде я должна побывать в жилище, откуда похитили Танни.

– Но убили стражей тут, а не там, – напомнил ведун с прищуренными глазами. – Скажи, что ты видишь здесь?

– Здесь я вижу то, что стражи вряд ли были участниками свершившегося зла, – внимательно посмотрела на него. – Они стали препятствием. Поэтому погибли.

– Но это невозможно, мудрая Валли! – решительно не согласился ведун, набылчился и нервически смял в ладонях полы мантии. – Стражей мог убить только тот, кто ночью был среди них!

– Он и был среди них, когда убивал, – спокойно согласилась Первая ведунья.

– Значит, все-таки это был один из стражей? – Прищуренный раздраженно отбросил в стороны полы мантии.

Входные двери открылись, и в них возникла покойницкая команда. Четверо хосков в форме сордар. Быстро огляделись и молча ступили к трупам. Расстелили полотно, положили

на него первое мертвое тело, стали обворачивать, чтобы вынести на улицу. Все молчком проследили за ними. После чего Валли откликнулась на вопрос прищуренного.

– Нет! – сказала твердо. – Тот, кого они впустили внутрь.

– Этого не может быть, Валли! – усомнился офицер, испытывая неловкость оттого, что приходится противоречить Первой ведунье. – Впускать кого-то внутрь стражам запрещено, тем более в ночное время.

– И тебя запрещено? – спросила, глянув на него, неопределенно повела рукой, добавив, будто мимоходом: – Или офицеров, которым стражи подчиняются?

На миг оторопев от вопроса, офицер беззвучно набрал в легкие воздух и затем с некоторым смущением уверенно отчеканил:

– Нет!

– Вот видишь, – разжала сухие губы Первая ведунья, – не все так просто, офицер, как хотелось бы.

Тем временем нахмурился прищуренный ведун, сделал два шага от Валли, покачал головой:

– Мудрая, ты перемудрила саму себя! Я не вижу в этом злодеянии участия никакого офицера.

Проводив глазами покойницкую команду, выносившую очередной труп на улицу, Валли тусклым старческим взглядом скользнула по нему:

– Разве я сказала, что вижу офицера? Я сказала, что может быть любой, кто имеет беспрепятственный доступ сюда. Например, я или ты, мудрый. А еще сказала, что должна побывать в жилище, откуда похитили Танни.

– Все это лишь предположения, – вставил ведун с родинкой на кончике носа.

– Именно, – подтвердила она.

Ее ответ разочаровал всех. От Первой ведуньи ждали иного. Ждали, что она сразу даст направление поиска убийц, освободивших имров. Но увы. Видимо, что-то ее смущало, либо ставило в тупик, или постарела Валли, уже не тянет на Первую. Между тем дело обстояло совершенно иначе. После осмотра убитых, коридора и каменного мешка внутреннее зрение Валли повело ее в направлении, в котором она начала двигаться изначально, как только ощутила охоту имров на Марин. И сейчас приблизилась к разгадке так близко, что заволновалась, боясь ошибиться. Она не стала сообщать о своих догадках, наметив отсюда отправиться в жилище Марин, чтобы там окончательно во всем разобраться. Видя озадаченность ведунов, Валли попросила офицера:

– Проводи меня, офицер, туда, где похитили Танни.

Они вышли из стражного отделения, оставив внутри недоумевающих ведунов, и офицер сказал:

– Сейчас пошлю сордара за повозкой.

– Не надо, – остановила его Валли. – Пройдем пешком, офицер. По улице, по которой отсюда двигались имры к дому, где совершено похищение. Мне нужно собрать все части события в одно целое.

По сторонам неширокой улицы гнездились каменные и деревянные дома в один и два этажа с покатыми кровлями и разными заборами. Иногда тут и там в глаза бросались невысокие деревья. Перед домами копошились хоски, перекликались друг с другом, гомонили. Завидев Первую ведунью с офицером, прерывали занятия, приветствовали их. Иногда слышались тревожные вопросы, которые говорили о том, что слухи здесь разносились быстрее, чем дул ветер с моря:

– Мудрая, зачем имрам наша девочка?

– Валли, что теперь будет? Как мы отомстим имрам?

– Первая ведунья, что решит Высший Совет ведунов?

– Валли, мы сейчас пойдём на Имрию или они снова первыми нападут на нас?

Иссохшая кожа лица Первой ведуньи едва заметно двигала глубокими морщинами, что вряд ли походило на тихую улыбку, но и на выражение других чувств тоже не походило. Губы не раскрывались, не выпускали сипловатых звуков голоса. Валли задумчиво молчала, проходя мимо. Офицер поглядывал на нее сбоку, и в какой-то момент не выдержал, посоветовав ей:

– Хоски спрашивают, Валли. Ответь им.

Та не успела ничего сказать, потому что в этот миг внимание ее переключилось на Марин, двигавшуюся навстречу. Офицер также увидел девочку и возмущенно воскликнул:

– Ты зачем покинула жилище? Я же сказал, чтобы никто никуда не выходил!

Подойдя вплотную, Марин виновато улыбнулась.

– Я ищу тебя, Валли! – пролепетала ей. – Мы нашли пузырек с дурманом. Он у меня. Похитители потеряли его! – выхватила из кармана аккуратно завернутый в тряпочку пузырек и протянула Первой ведунье.

Взяв его из рук Марин, она передала офицеру. Обняла девочку за плечи.

– Похитили Танни, – безрадостно прошептала Марин, прижимаясь к Валли.

– Я знаю. Они опять приходили за тобой, – сказала Первая ведунья. – Но ты сделала, как я просила, поэтому они ошиблись, – погладила Марин по голове. – А почему вы оставили на ночь открытыми двери? – заглянула ей в глаза.

– Отец говорит, что все закрывал и не понимает, как имры вошли, – пожалала плечами Марин.

– Я разбирался с этим, мудрая, – дополнил офицер, хмуря лицо. – Хозяин показал мне, как изнутри закрывается дверь. Снаружи открыть ее невозможно. Я подозреваю, что отец Марин говорит неправду. Он любитель хмеля. Видно, был под ним и забыл запереть, а теперь выворачивается.

Продолжая прижимать к себе девочку, Валли о чем-то думала, выражение лица было сосредоточенным. Офицер умолк, не уверенный, что Первая ведунья услышала все, что он сказал. Марин тоже притихла, не нарушала раздумий Валли. Даже у ближних домов приглушили гомон, видя, как замерла Первая ведунья. Наконец она прервала паузу, повернула лицо к офицеру:

– Ты веришь, что он обманул?

И тут офицер смекнул, что Валли не пропустила ни одного его слова, но одновременно уловил в голосе Первой ведуньи сомнение в его подозрении. Между тем ответил утвердительно:

– Конечно, Валли. Во хмелю бывает не до двери. Обо всем забудешь.

Девочка оторвала голову от груди Первой ведуньи, возразила:

– Вчера отец не был во хмелю! Он еще спросил у Танни, почему она легла не на своем месте.

– И что ответила Танни? – поинтересовалась Валли.

– Она уже спала. Она всегда быстро засыпает, – проговорила Марин. – А я слышала, как отец пошел к двери и гремел запором. А потом лег спать.

Обескураженный услышанным, офицер сурово нагнул голову и выговорил ей:

– Почему ты мне не сказала об этом, когда я был у вас?

– Ты меня не спрашивал, офицер, – отстранившись от Валли, обидчиво нахохлилась Марин. – Ты разговаривал с отцом.

– Вот и ответ на твои подозрения, офицер, – раздался спокойный голос Первой ведуньи.

– Допустим, – отозвался тот. – Но в таком случае как имры снаружи открыли дверь? Извне такой запор не откроешь. Дверь не взломана. Да если б ее ломали среди ночи, все семейство поднялось бы на ноги. Не понимаю, как они вошли, ума не приложу.

– Свой ум ты должен прикладывать в воинском деле, офицер, а здесь, по всему видно, приложился другой ум, – с непоколебимой твердостью в сипловатом голосе проговорила Первая ведунья, словно она уже точно знала, как все произошло, и даже знала, чей ум приложился тут.

Офицера не удивило это. Проницательность Первой ведуньи была известна хоскам. Его, конечно, подмывало услышать, что усматривал ее внутренний взор, но он не задавал лишних вопросов. Однако их задала Марин.

– Ты что-то видишь, Валли? – спросила она. – Скажи, что ты видишь?

Сжав сморщенные губы, Первая ведунья прикрыла глаза, на минуту погрузилась в паузу, потом из горла тихо полилось:

– Сначала я должна увидеть твоих отца с матерью, Марин.

Скоро они были в жилище. Встретили Валли почтительно. Домочадцы закружились вокруг нее. Но она остановила их, стала задавать вопросы. Сначала беседовала с отцом, тот показал ей дверной запор и категорически заявил, что после вчерашнего вторжения имров запор у него теперь на первом месте. Потом сказал, как после пробуждения обнаружил его открытым. Затем мать Марин подтвердила, что дверь закрывалась. После того, как муж лег спать, она сама проверила запор.

Первая ведунья прошла по жилищу, внимательно просматривая его, точно наблюдала видимую ей одной картину произошедшего. Ей показали, где нашли пузырек с дурманом. Офицер следовал за нею по пятам. Покинув их жилище, Валли зашла к соседке. Потом, выйдя от той на улицу, подозвала девочку, отвела в сторону, шепнула на ухо:

– Сегодня не появляйся дома, переночуй у Галли, я договорилась. Больше никуда не ходи. Никто, кроме тебя и Галли, не должен знать, где ты. Никто, даже отец с матерью. А сейчас не провожай меня. Увидимся завтра.

– Я хотела сходить к морю, Валли, – буркнула Марин, уставившись в одну точку под ногами.

– Не сегодня, Марин! – категорично отказала Первая ведунья. – Море никуда от тебя не уйдет. Послушаешь его в другой раз.

– Ты пугаешь меня, Валли, – не поднимая головы, надула губы Марин. – Ты что-то знаешь? Скажи, что ты знаешь?

– Не забывай, что у тебя под правой грудью пять родинок! – строго напомнила та, не отвечая на вопрос. – Время пришло стать взрослой!

– Я не забываю, Валли, и все помню, – с видимой досадой вздохнула Марин, подняла на нее глаза, широко распахнув веки.

Отправив ее к соседке, Валли озабоченно перевела взор на офицера. Тот настороженно спросил:

– Все плохо, мудрая?

– Завтрашнее утро покажет, офицер, – откликнулась она.

– Скажи, Валли, что нужно сделать сейчас, чтобы утро завтра было хорошим?

– Чувствую, что этой ночью что-то должно произойти, офицер, – задумчиво проговорила Первая ведунья, – но пока не удастся увидеть, где и с кем. Слышу голоса, но не могу разобрать, чьи они и что говорят. Кто-то сильно препятствует моему внутреннему взору и противодействует моему слуху. Мешает разобрать голоса, путает их, перемешивает.

– Вижу, ты беспокоишься за Марин. Получается, что угроза для нее не исчезла. Значит, кто-то еще охотится за нею? Разреши организовать здесь засаду.

– Нет, офицер, – отказала Валли. – Если ты спугнешь похитителей, они затаятся, и я долго не смогу узнать, кто они. Одно скажу: это не имры. Завтра узнаю, кто это! А пока закрой рот на запор. Твоя работа начнется позже.

5

Утром следующего дня новая весть облетела Пергород. Ночью убили ведуна с отвислой нижней губой. Это был шок. Ведуны неприкосновенны. Кто посмел? Теперь дело чести Высшего Совета ведунов – найти убийцу. На ноги был поднят воинский гарнизор Пергорода. Перекрыты улицы и выезды из города.

Тем временем спешно собрался Высший Совет для обсуждения случившегося. Ведуны негодовали. Кто бросил им вызов? Им, которые могли видеть, слышать и чувствовать лучше, чем все остальные хоски. Мантии колыхались на местах, вскидывались и опускались.

Первой ведунье пришлось долго ждать, когда между ними прекратятся возмущенные выкрики и уляжется непрерывный шум. Но когда все успокоились и начали обсуждение, то очень скоро стало ясно: ни к какому результату Совет не придет. У ведунов путались мысли в головах, они высказывали сначала одно, а через короткое время утверждали совершенно противоположное. Напрягали внутреннее зрение, пытаясь ухватить лицо убийцы. Но оно блуждало, как в тумане. Слух ловил какие-то скомканные обрывки голосов, которые запутывали еще больше. Интуиция и чувства приносили очевидный бред. В итоге все снова начинали горячиться, и обсуждение переходило в сплошной галдеж.

Наблюдая происходящее, Валли все больше утверждалась в своих выводах, которые не считала нужным высказывать здесь. А причина была существенной. Первая ведунья поняла, что тот, кого ведуны пытаются отыскать, находится среди них. Он вторгается в мысли ведунов, мешает видеть и слышать, не дает нормально чувствовать. Валли с большим трудом, почти ощупью пробивалась сквозь расставленные преграды, стараясь выйти на источник. И, кажется, у нее что-то получалось. Не зря она была Первой. Правда, конкретно на ком-то остановиться еще не могла, ибо противодействие было сильным, но сумела сузить круг до нескольких ведунов, на которых и направила всю свою энергию. В итоге ей удалось вычленив из этого круга двоих.

Высший совет продолжался три часа, после чего все постепенно умолкли и уставили вопросительные взоры на Первую ведунью. Она до сего времени не сообщила о своем видении. Все ждали. Надо было что-то сказать. Тем более что раздалось голоса, обращенные к ней:

- Скажи, мудрая, что видишь ты?
- Да, почему ты молчишь, мудрая?
- Мы хотим услышать тебя!
- Мы всё сказали!
- Сделай вывод, мудрая!

Но сделать вывод из той разноголосицы, которая звучала на Совете, можно было лишь один: Высший Совет ни к чему не пришел. Однако такой вывод поставил бы ведунов в униженное положение перед хосками. Валли позволить такого не могла. Тем более что это был первый случай, когда Совет расписался в бессилии. Между тем ответила Валли обтекаемо, чтобы никого не обидеть и не дать понять убийце, что она вплотную приблизилась к нему.

– На этот раз, мудрые, мы все столкнулись с большими трудностями, – сказала она, не отделяя себя от остальных. – Во-первых, убит член Высшего Совета. Во-вторых, мы взбуждаем этим злодеянием и не можем сосредоточиться, поэтому мысли наши сейчас несутся вскачь в разные стороны. В-третьих, на месте убийства работает наша комиссия, и мы еще не получили результатов ее работы. Посему предлагаю перенести Совет на завтра, чтобы успокоиться, обдумать все и затем совместными усилиями найти верное решение, учтя выводы комиссии. Сейчас же советую всем отправиться в дом убитого ведуна, почтить его память и, может быть, получить новую информацию.

- Но ты, мудрая, не высказала своего видения! – раздалось чье-то напоминание.

Не хотелось бы Валли сейчас высказываться по этому поводу, но придется что-то ответить, чтобы успокоить ведунов. И она произнесла:

– Весь Пергород перекрыт защитными сордарами. Убийца не сможет никуда сбежать. Он в городе. И я думаю, где-то близко.

– Что значит близко? – снова разнесся тот же голос.

– Подумайте сами над этим! – сказала и подняла морщинистую руку, показывая жестом, что заседание Высшего Совета закончено.

После того как ведуны разошлись, Валли сняла с себя мантию и вышла на улицу. Настроения у нее никакого не было. Впрочем, всегда уравновешенная внешне, она и сейчас не показывала вида, что крайне взволнована выявлением убийцы среди ведунов. Возле здания увидела нескольких вооруженных пуляйстерами сордар, взявших под охрану дом Высшего Совета. Тут же был и офицер, который оказался ко времени. Проводив ведунов, она вспомнила именно о нем. В этот миг ее особенно беспокоила безопасность Марин. Офицер ждал Валли. Увидев ее, решительно шагнул навстречу:

– Первая ведунья, не отказывайся, чтобы я приставил к тебе защитных сордар.

– Нет, офицер, сейчас у тебя будет много других дел, – остановила его порыв Валли. – Я уже слишком стара, мне скоро уходить в море, офицер, не стоит так заботиться обо мне. Я – Первая ведунья. Я неприкосновенна. Этого достаточно.

– Для убийц, как видишь, нет неприкосновенных.

– С них за это спросится. И закончим обо мне! Пойдем, поговорим спокойно. – Валли легко прошла по небольшой дорожке, посыпанной мелкой каменной крошкой, и села на обветренную низкую широкую лавочку под раскидистым деревом.

Офицер остался стоять. Она рукой показала ему место рядом:

– Сядь. Так лучше запомнишь все, что скажу.

Он сел, поправил мундир и приготовился слушать. Валли неторопливо разгладила подол одежды на коленях и начала:

– То, о чем я тебе сейчас скажу, офицер, до поры никто не должен больше услышать.

– Прости, но могла бы этого не говорить, Валли, – сурово пробормотал офицер.

– Знаю, что ты достойный офицер защиты хосков, но напоминаю! – сказала твердо. – И не хмурь брови. Все слишком серьезно. А теперь хочу услышать от тебя: что выявил на месте убийства ведуна?

– К сожалению, мудрая, никаких следов, – досадливо поморщился офицер. – Проломленный череп и много запекшейся крови на полу – это говорит о том, что убит ведун был в начале ночи. Вот и все. Домочадцы ничего не слышали. Утром проснулись, обнаружили мертвое тело. – Он оперся ладонями на колени, точно хотел подняться на ноги. – Мне все непонятно.

– Тогда слушай меня, офицер, – сказала она и на короткое время затихла, будто собиралась с духом, а может быть, с мыслями, раздумывая, стоит ли быть сейчас полностью открытой с офицером либо только сделать намеки, и начала говорить. – Внутренние запоры без ключа могут открыться только силой мысли ведунов. Мы все обладаем такой способностью. Думаю, ты об этом не знал, офицер, поэтому ничему не удивляйся. Так вот, открыть снаружи запертые изнутри двери в стражное отделение и жилища хосков мог только кто-то из ведунов. Я имею в виду случаи с убийством стражей, ведуна и с похищением Танны. В прошлый раз, когда я находилась в стражном отделении, вместе со мной были три ведуна, – Валли назвала их имена. – После осмотра трупов стражей и каменного мешка убитый ныне ведун в своих суждениях очень близко подошел к разгадке, но определенно испугался своих мыслей и не высказал их вслух, обещая подумать еще. А ныне, как видишь, его нашли мертвым. Стало быть, убийца ведуна был убийцей стражей, он же выпустил имров и открыл для них двери в жилище, откуда ошибочно похитили Танны. Ошибка имров спасла Марин. Но я скажу больше: именно этот

убийца должен был доставить капиару Марин. Да, капиар ждал именно его. Это один из двух ведунов, на которых вывели меня мой внутренний взор, мой слух и мои чувства! – Валли прервалась, сделала передышку и назвала офицеру два имени ведунов: один тот, у которого родинка на кончике носа, второй тот, что с прищуренными глазами. – Завтра я буду точно знать, кто из них проданся имрам. А сегодня не обессудь, офицер, убийца один из двоих. И пусть тебя не пугает то, что убийца – член Высшего Совета ведунов. Продаться врагам может всякий, у кого жадность превыше разума, а совесть пониже подлости. А теперь запомни иное, офицер: Марин – это особая девочка. Поэтому за нею охотятся имры. Она должна заменить меня. Она поможет городарству хосков в тяжкие времена, которые скоро наступят. С этого момента на тебя, офицер, я возлагаю всю ответственность за жизнь Марин. Ты должен защищать ее от любых опасностей и днем, и ночью. Я предвижу, что это станет нелегким делом, офицер. Меня уже не станет в живых, но мой дух всегда будет помогать Марин! – Валли закончила и, выдохнув воздух, подняла изможденное лицо к небу.

Офицеру показалось, что он увидел свежие краски на нем, точно слегка расправились старческие морщины и кожа стала несколько моложе. Возможно, так и было на самом деле, потому что Валли знала, что передавала девочку в надежные руки и чувствовала, что офицер все сделает, чтобы Марин успешно прошла свой путь. Но у него с трудом умещалось в голове, что имрам проданся неприкосновенный ведун-хоска, – это было за гранью мыслимого. Офицер поднялся с лавки, прошелся взад-вперед, осмысливая услышанное, укладывая все мысли в единую цепочку, и вдруг резко замер.

– Прости, Первая ведунья, что я прерываю твое молчание, но из сказанного тобой явствует, что ты тоже сейчас в опасности! Убийца наверняка ощутил твое приближение к нему, – предположил он, хмурия брови.

Валли слегка усмехнулась, она понимала, что действительно может находиться под угрозой, ибо стала опасной для убийцы и тот наверняка почувствовал это, иначе не был бы ведун. Но она не ощущала сейчас, что убийца нынче решится расправиться с нею. Возможно, тот не принял еще такого решения. А когда примет, она почувствует. И выставит свою защиту. Но для этого ей нужно точно знать имя убийцы. Завтра она, без сомнения, будет знать его. И тогда опередит. Это станет первым случаем в истории хосков, когда Высший Совет ведунов отправит в стражное отделение чуждого им члена Совета. Поэтому спокойно проговорила офицеру:

– Я никому не дала заглянуть в мои мысли, хотя многие ведуны пытались это сделать, в том числе и эти двое. Поэтому сегодня не стоит тревожиться, офицер, а завтра – будет видно.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Первая ведунья, – с сожалением отступился офицер.

– Моя ошибка не погубит хосков, но твоя ошибка при защите Марин может погубить все городарство. Сейчас же займись ее защитой, офицер, а я отправлюсь на место убийства ведуна. Возможно, там мне откроется имя убийцы. Мертвое тело порой говорит языком более понятным, чем говорящий живой хоска. Надо лишь уметь услышать этот голос. А ты иди, офицер, исполни то, что тебе предназначено по судьбе!

Молчком офицер развернулся и направился к сордарам. Валли посидела еще недолгое время и встала с лавки.

Тело убитого ведуна было завернуто в полотно и лежало на полу, где утром родственники нашли его. Вокруг в молчании, сменяя друг друга, передвигались ведуны в своих мантиях. Кто-то уже покидал жилище, кто-то оставался внутри, а кто-то лишь входил. Увидев Первую ведунью, расступились, пропуская к мертвому телу. Валли подошла, склонилась над ним. Все замерли, шуршание одежд прекратилось. Она откинула полотно с головы ведуна. Раздробленный череп, слипшиеся волосы, запекшаяся кровь и удивление в открытых мутных глазах. Валли заглянула в них, напрягла свои мысли, почувствовала, как ей кто-то сильно противодействует, не дает пробиться к духу убитого.

Между тем Валли снова и снова вгрызалась мыслями в невидимый заслон и наконец на миг заметила, как глаза убитого ожили и дрогнули губы, после чего мозг мертвого ведуна заговорил с нею. Она стиснула зубы, слушая. Перед нею во всех красках предстала картина убийства. Первая ведунья услышала имя убийцы. Остановила дыхание. Аккуратно снова накрыла голову трупа полотном. Теперь она знала все, что хотела знать. Сделала длинный тревожный выдох и выпрямила спину. Ведуны вокруг ждали ее слов. Некоторые и сами пытались пробиться к мозгу погибшего, но не сумели. Валли провела взором по вопросительным лицам, среди которых мелькнуло лицо убийцы. Но она не остановилась на нем, чтобы не выдать себя, взгляд скользнул дальше и вновь остановился на мертвом теле:

– Пусть море примет его и, может быть, сохранит в себе его тайну.

– Ты больше ничего не скажешь, мудрая? – раздался чей-то вопрос, и ведуны вокруг снова зашуршали одежками.

– Тело перед вами, мудрые. Что я еще могу сказать сейчас, кроме того, что вижу его так же, как вы? – грустно промолвила Валли. – Он был одним из лучших среди нас, ему еще рано было уходить в море. Завтра на Высшем Совете пусть каждый из вас выскажет все, что должен сказать. Хоски ждут решения Совета.

На некоторых лицах появилось разочарование после ее слов. Они определенно ждали других. Но ничего другого сейчас Валли сказать не могла. Даже если бы прямо сейчас назвала имя убийцы, никто не тронул бы его. Ибо никто не имеет права схватить неприкосновенного ведуна без решения Совета. А Совет будет завтра, где она назовет имя убийцы. Следовательно, решение будет завтра. И лишь завтра офицер сможет исполнить свой долг. Ведуны медленно двинулись к выходу.

С вечера Первая ведунья долго не могла заснуть. Мысли вновь и вновь возвращали ее к событиям дня. Днем она была уверена, что убийца не смог разгадать ее молчания и остался в неведении о том, что она уже знает его имя. Но сейчас вечером, когда за окнами зажгли факельные фонари, эта уверенность начинала таять. В душу медленно вселялось волнение. Появлялось сомнение в своей прежней уверенности. И не могла ни с кем поделиться. Она уже так долго жила, что давно осталась одна. И только служка скрадывала ее домашнее одиночество. В общем-то, та была молчаливой и неприметной, однако умела своей неприметностью заполнить жилище Валли. Первая ведунья несколько раз поднималась со спального места, словно забыла что-то сделать перед сном, совала ноги в обувь, зажигала свечи и проходила по отделениям жилища. Служка тоже вскакивала и, прежде чем Валли собиралась к чему-либо прикоснуться, оказывалась рядом и подавала старой женщине. Валли брала это в руки, задумчиво разглядывала невидящими глазами, мысленно находясь не тут, возвращала служке и шаркала ногами к спальному месту. В конце концов дневная утомленность взяла верх, и Валли беспокойно заснула. Служка тоже уснула. Впрочем, спала служка всегда очень чутко, поэтому под утро до ее слуха донеслось что-то похожее на скрип. Она подхватила со спального места и на цыпочках, чтобы не разбудить Валли, побежала к входной двери. Увидела, как та открылась и в проеме возникла мужская фигура. Служка оторопела. Как могла открыться дверь, когда она была закрыта на запор? Тем не менее на пороге в темноте маячила мужская фигура с закрытым лицом. Служка смело кинулась навстречу, схватилась за дверь и стала закрывать ее, вытесняя фигуру наружу. Однако преодолеть мужскую силу не смогла. Дверь сильно толкнули, отбросив женщину назад.

– Кто ты? – вскрикнула та. – Как ты открыл?

В ответ молчание и твердый шаг к ней.

– Уходи! – вцепилась в него руками, пытаясь остановить.

Но он обхватил ее, зажал рот, приставил к животу пистолет и выстрелил. Раздался негромкий хлопок. Затем неслышно положил обвисшее тело на пол и быстро бесшумно дви-

нулся в отделение Валли. А та уже не спала. Возня возле двери разбудила ее. Она стояла на ногах в длинном ночном одеянии. Встретила его спокойно.

– Ты все-таки понял, что я знаю твое имя, – сказала ему, не стараясь разглядеть его лица, ибо хорошо знала, кому принадлежит оно.

– Я тоже ведун и ненамного слабее тебя, – с презрением отозвался он, останавливаясь напротив и наведя ей в грудь писторер.

Страх у Валли не было. В темноте она видела оружие в его руках, но по телу не бегали мурашки, и холодком его не обдавало. Лишь в сознании мелькнуло удивление, которое сипловато излилось из ее горла вопросом:

– Ты – хоска, зачем помогаешь имрам? Они наши враги.

– Ваши, да! Но не мои, – последовала издевательская усмешка в ответ.

Приняв его усмешку как большое заблуждение, Валли предостерегла, хотя могла бы и не делать этого. Зачем рассеивать самообман убийцы и врага?

– Не надейся, имры никогда не победят хосков, – сказала ему. – Ты не видишь будущее.

– Это ты не видишь ничего! – вспыхнул он. – Состарилась уже. Они победят, как только девчонка окажется в их руках.

Сипловатый старческий голос Первой ведуньи стал твердым, как камень:

– Значит, имры от тебя узнали, что предвестница уже родилась и что ей исполнилось четырнадцать лет! Впрочем, я догадалась о том, что они узнали о ней, когда имры хотели похитить Марин! Но запомни: она никогда не окажется в их руках!

Казалось, что тот, кто стоял напротив нее, почувствовал удар камня по своей голове, и это взбесило его:

– Да, я сообщил имрам о Марин! И ты заблуждаешься, что она не будет в их руках! – сорвался он на крик, на мгновение забыв, что все сейчас должен делать тихо, почти беззвучно. Отдышался и резко сбавил тон. – Без тебя никто не сможет защитить ее! А тебя больше нет, Валли, уже нет! Впитай в себя эту мысль, – и закончил с удовольствием: – Завтра хоски опустят твое мертвое тело в море, и девчонка останется беззащитной.

На некоторое время оба затихли, он глубоко дышал, Первая ведунья смотрела с печалью, после этого поинтересовалась:

– Но что от всего этого будешь иметь ты?

Он с апломбом произнес, размахивая перед нею писторером:

– С помощью имров я стану правителем городарства Хоския!

Надо иметь сильную выдержку или вовсе лишиться страха, чтобы оставаться спокойной, когда перед твоим носом размахивают оружием. У Валли было и то и другое. Она с досадой просто напомнила и предупредила:

– Имры никогда не держали своего слова. Зря ты пресмыкаешься. Тебя убьют так же, как ты убил стражей и ведуна.

– Я не настолько глуп, чтобы верить их словам! – с ехидцей ухмыльнулся он. – Сделаю так, что они станут беречь меня пуще самих себя. Я знаю как! – Убийца пошел вразнос, он понимал, что переступил черту, из-за которой нет возврата. И пер напролом.

– Хоски остановят тебя! – категорически пообещала Валли.

– Даже ты, Первая ведунья, не смогла остановить меня, тем более это не под силу простым хоскам! – пренебрежительно засмеялся он, чрезмерная самоуверенность перехлестывала через край. – Они будут валяться у меня в ногах и ждать моих милостей!

– Ты плохо знаешь хосков. – Легкая усмешка тронула морщины на ее лице.

В темноте он плохо видел его, но по тону голоса почувствовал эту усмешку. И та разозлила его. Отреагировал резко:

– Я не могу плохо знать! Я вырос среди них!

– Нет, ты их не знаешь! – твердо повторила Валли и вздохнула. – Они спросят с тебя.

Ее слова привели ведуна в ярость. Он почувствовал в этот миг, что всадить в нее пулю – это очень мало, Валли следует придушить, разорвать на части. Между тем смог наступить на свое бешенство и заговорил раздраженно дрожащим голосом:

– Никто, кроме тебя, не знает, что стражей и ведуна убил я. И завтра после того, как море примет твое тело, все они выберут меня Первым ведуном. Ты всегда мешала мне, Валли, я много пресмыкался, но с этого момента мои руки развязаны.

– Твои руки в крови, – вставила она.

– Только проливая чужую кровь можно взобраться на самую вершину. Именно для этого я проливаю ее! – выпалил он.

– Тебе никогда не быть на вершине, – остудила она, – потому что твои злодеяния вернуться к тебе раньше!

В ответ он вплотную ступил к Первой ведунье, вдавил пистолет ей в грудь и выстрелил в сердце:

– Я вижу иное! Вижу, как море уносит твое тело в свою пучину. Да, Валли, море уже ждет тебя! – сказал он после глухого хлопка пистолета.

Легкое тело Валли неслышно осело на пол, окрасив кровью светлое ночное одеяние. Кровь потекла по полу под его обувь. Он отступил назад, развернулся и, оставив небольшой кровавый отпечаток носка обуви, направился к выходу. У двери переступил через служку и вышел наружу. Оттуда сделал отрывистые движения руками, и запор изнутри закрылся. Убийца прислушался. Вокруг ни одного звука. Внутренним взором никого не обнаружил. Пергород крепко спал.

Вскоре робкие лучи солнца, выбиваясь из-за горизонта, стали подтачивать темноту. Та, огрызаясь, как раненый зверь, медленно отползала. Наступало утро, сначала окрашивая все вокруг в серые тона, а потом наполняя разными красками. Ближе к полудню ведуны стали собираться на Совет. Все успели к назначенному времени, не было только Первой ведуньи. Стали ждать, удивляясь ее отсутствию. Подобного никогда не было, чтобы она опоздала на Высший Совет. И не только на Совет. Она вообще не имела привычки задерживаться. Ожидание ни к чему не привело. Ведуны забеспокоились. Отправили к ней посыльного. Тот наткнулся на запертую дверь. Соседи пожимали плечами, никто ее не видел. Сообщили в Совет ведунам. Те, подозревая неладное, вызвали городарственную защиту, и трое из Совета поспешили к жилищу Валли. Незамедлительно туда же прибыл офицер защиты росков. Кто-то из ведунов открыл запоры. Зашли внутрь и онемели от увиденного. Офицер стиснул скулы. Зачем он вчера послушал Первую ведунью? Почему не настоял на своем? Но ведь Валли была убеждена, что ничто ей не угрожает. Однако это было до того, как она отправилась в жилище убитого ведуна. Стало быть, там произошло то, что изменило весь расклад. Видимо, она узнала имя убийцы, а тот понял это. Офицер закрипел зубами. Он винил себя в случившемся. Если б он приставил к ней сордар, этого не произошло бы. Впрочем, как знать. Ведь убийца – ведун. Он без пистолета непонятным образом убил нескольких стражей. Хотя вряд ли это случилось бы, если б он не проник в стражное отделение. Но не стоит думать, что защитные сордари подпустили бы его близко к себе, как стражи. Офицер в своих сордарах был уверен. Со вчерашнего дня Марин под их защитой. Офицер напрягся. Он все сделает, чтобы с головы Марин волос не упал. И никогда не простит себе, что не сделал этого для Валли. Что вопреки ее воле не приставил к ней вчера защитных сордар. Но как он мог противоречить Первой ведунье, как мог не исполнить ее требование? Никто из хосков не осмелился бы. Офицер был мрачен. Когда тела Валли и ее служки покойницкая команда укутывала в полотна, он думал о том, что вчера Первая ведунья назвала ему два имени. Одно из этих имен – имя убийцы. Во что бы то ни стало он должен выяснить, кто из них убийца. Валли верила в него, и он оправдает ее доверие. Убийца будет отомщен. Немедля он установит наблюдение за обоими. Защитные сордари

обучены этому. Он должен знать каждый шаг подозреваемых ведунов. И каждое их действие. Совет ведунов тем временем был совершенно выбит из колеи. Еще не принято окончательное решение по вчерашнему убийству, а тут новое, более шокирующее. Эта весть мигом разлетелась по Пергороду и с посыльными отправлена в другие города. Хоски на этот раз испытали настолько сильный шок, что Пергород затих, как будто вымер. Все, что сумел сделать в этот день Высший Совет, – это объявить траур. Женщины-хоски плакали, мужчины зажимали себя и ходили хмурыми. Казалось, что без Валли теперь станет настолько плохо, что лучше бы им было не родиться самим на белый свет и не рожать своих детей. Марин, услышав об убийстве Валли, рыдала, забившись в угол. Перед глазами стояло доброе лицо Первой ведуньи и слышался голос, говоривший сквозь шумный плеск морской волны о пяти родинках под правой грудью предвестницы и о ее предназначении. Сейчас Марин было плохо. Она с малых лет привыкла к тому, чтобы всегда видеть возле себя Валли. И вдруг ее больше нет. И не потому, что та сама ушла в море. А потому, что ее убили. В четырнадцать лет у хоска еще нет глубокого осознания связи между событиями. Но Марин была особенной, и в ее голове начинали роиться мысли о том, как старательно последнее время Валли прятала ее от опасности, даже приставила городарственную защиту. И тут же была убита. Смутно Марин почувствовала причастность к случившемуся. И от этого ей становилось еще горше. Целые сутки хоски толпами шли к жилищу Валли. А утром на вторые сутки покойницкая команда, окруженная толпами хосков, отнесла ее к морю. Сторожа моря приняли у них тело Первой ведуньи, положили в лодку и отплыли далеко к горизонту. Там опустили прах в воду. Хоски долго еще оставались на берегу и не отрывали глаз от спокойной морской глади. Море было грустным, шума прибоя не слышно, волны скользили мягко и тоскливо. Камни и скалы на берегу дышали печалью. Их голоса сливались с тоской моря. Марин была на берегу вместе со всеми. Рядом с нею находился офицер защиты хосков с защитными сордарами. Когда лодка с Валли уплыла так далеко, что можно было различить только маленькую точку, до девочки вдруг донесся голос Первой ведуньи. Он слабым ветерком обдал лицо Марин и четко, будто рядом стояла сама Валли, сипловато прошуршал в ушах:

– Я всегда буду рядом, когда тебе нужна будет моя помощь. Позовешь меня, и я приду. Доверься офицеру защиты, он достойный хоска, он будет защищать тебя в любых обстоятельствах. С этого дня ты моя преемница. Моя смерть сделала тебя взрослой. Ты не такая, как все. Ведуны поймут это, когда завтра ты появишься на заседании Высшего Совета, на котором станут избирать Первого ведуна. Я назову тебе имя убийцы. Доказательство найдешь в моем жилище. Там ты поймешь, что это. Иди туда.

– Я сделаю, как ты сказала, Валли, – мысленно отозвалась Марин и коснулась рукой одежды офицера.

– Что-то нужно, Марин? – склонился тот к ней.

– Я должна вернуться в жилище Первой ведуньи, – прошептала она.

– Ты недавно там была.

– Я должна! – настойчиво повторила она. – Валли хочет этого.

Знаком руки офицер показал защитным сордарам, что они возвращаются, и первым двинулся сквозь толпу. Марин пошла следом в окружении сордар. Медленно они стали выбираться из гущи. Когда прибыли к жилищу Валли, офицер сначала проверил выставленные им караулы. Все было, как должно быть. Защитные сордары с оружием прохаживались вдоль стен. Офицер стремительно подошел к стоявшим у входа:

– Что-нибудь подозрительное происходило, сордары?

– Да, офицер! – вытянулся тот, что был правее и выше ростом. – Только что перед тобой один хоска накатывал, расточал любезности, хотел войти внутрь, все втирал мозги, вроде потерял там что-то, когда был внутри возле тела Первой ведуньи.

Офигер перевел вопросительный взор на другого сордара, который стоял левее и был ниже ростом. Тот вытянулся точно так же, как недавно вытягивался первый:

– Мы спрашивали, что потерял, но он бормотал бессвязно, что впору было дать ему по мозгам. Мы не разобрали, что он пытался впарить. Не подпустили близко к дверям, офигер, как ты распорядился!

Ответ сордар насторожил офигера. Он прервался, кинул взгляд вдоль улицы в обе стороны.

– Видели этого хоска раньше?

– Нет, офигер! – выпалил низкий ростом.

– Почему не схватили его? – повысил голос, переводя взгляд с одного на другого.

– Мы хотели, но он исчез за углом, – напряженно отчеканил тот, что выше. – Нырнул туда и исчез! Мы за ним, а его нет!

– Как в воду канул! – выдохнул тот, что ниже.

Поморщившись, офигер остался недоволен. Не понравилось ему все, что услышал от сордар. Особенно то, что хоска сумел быстро скрыться. Впрочем, сордар в этом не винил, ибо сам запретил им отлучаться от двери. Между тем потребовал:

– Откройте дверь и проверьте жилище внутри!

Низкий ростом распахнул двери и метнулся внутрь. Вскоре вернулся, бодро доложил:

– Все как было!

Офигер посмотрел на Марин:

– Пошли, зайдем! – И впереди нее шагнул к двери.

Марин ступила следом, за нею ринулись защитные сордары. И скучились перед дверью. Она остановилась в дверях, внимательно огляделась, припоминая, как лежало тело служки, присела на корточки перед спекшейся кровью на полу у стены, пыталась услышать голос убитой. Офигер и сордары замерли, не мешая ей и не понимая, что Марин делает. Ничего не услышав, она поднялась с корточек и тихо-тихо семенящим шагом продвинулась дальше по жилищу туда, где недавно лежало мертвое тело Валли. Здесь также присела на корточки перед кровавым пятном. И мысленно обратилась к Валли. Коснулась пальцами пятна и вдруг услышала, как ее голос посоветовал:

– Смотри внимательно, Марин.

Девочка расширила глаза, глядяваясь в кровавое пятно. И вдруг обратила внимание на небольшое пятнышко рядом. Ее словно молнией прошило насквозь. В лицо ударила краска. Марин прижала палец к пятнышку, и в ее мозг ворвался голос убийцы. Она вздрогнула, отдернула палец и обернулась на сордар – не слышал ли кто из них этого голоса. Но те стояли с невозмутимыми лицами, по-прежнему не понимая ее действий. Лишь офигер догадывался, что происходит какое-то таинство, связанное с Валли, и этим таинством владеет четырнадцатилетняя Марин, которую он обязан беречь больше, чем самого себя. Марин снова приложила палец к пятнышку от следа убийцы. И вновь в ее сознании зазвучал мужской голос, а перед глазами проплыло лицо. Марин перенесла пальцы на большое кровавое пятно. Мужской голос пропал и зазвучал голос Валли:

– След убийцы все расскажет Совету ведунов! Ты нашла его, Марин! Но береги себя!

Поднявшись с корточек, Марин настойчивым недетским голосом попросила офигера:

– Пускай это накроют полотном! И пусть сордары не отходят отсюда, чтобы никто ничего не стер, пока не придет время.

– Ты что-то почувствовала, Марин? – спросил офигер.

– Я знаю имя убийцы! – огорошила она. И новым тоном взрослой хоски коротко сообщила: – Завтра скажу его Совету ведунов!

– Валли тоже обещала мне завтра, но завтра для нее не наступило, – предупредил офигер.

– Рядом с нею не было защитных сордар, – парировала Марин.

– Сегодня ночью я сам останусь вместе с сордарами возле тебя. Не допущу, чтобы с тобой свершилось то, что произошло с Валли! – решительно выговорил он.

6

Ночь прошла. Марин проснулась рано. Долго смотрела в потолок. Трудно привыкнуть к мысли, что больше никогда не увидит Валли, что ее уже нет, что она убита. Душе было больно. Между тем Марин знала имя того, кто это сделал. И сегодня ночью несколько раз просыпалась. Всякий раз своим внутренним взором видела лицо убийцы, который упорно кружил по улице, но не мог подойти к дому. Ее чутье улавливало его присутствие в ночной темноте и его черные мысли, в которых не могла разобраться, но эти мысли жалили и не давали покоя. Марин поднялась со спального места и стала собираться, не чувствуя себя отдохнувшей, скорее совершенно разбитой. До Высшего Совета ведунов оставалось достаточно времени, и она не спешила. Сестры еще посапывали на своих местах, отворачивая лица от окна, сквозь которое пробивался утренний рассвет. Из другого отделения доносился стук посуды, которой поутру бряцала мать. Марин вышла к ней. Та помогла девочке умыться, поливая водой из ковша. Всегда молчаливая, как будто безголосая. Утомленная. Смотрела на дочь с состраданием, словно что-то предчувствовала, но боялась высказать. Поставила на стол еду и тихо наблюдала, как Марин ест. И когда та встала с сиденья, кротко вздохнула:

– Страшно мне за тебя. Уберегут ли сордары? Не ходила б ты на Совет.

Грустная улыбка, как робкий солнечный зайчик, чиркнула по губам Марин:

– Как же не ходить? Валли больше нет.

– И Танни пропала. – У матери навернулись слезы, она смахнула их пальцами.

Марин опустила лицо. Она чувствовала себя виноватой. Слова матери прозвучали как упрек, хотя никто в семье ни разу не сказал, что Танни похищена по ошибке. И такое молчание семьи было для Марин бо́льшим укором, нежели произносили бы его вслух. Трудно было делать вид, что ты ни при чем. Хотя если б похитили ее, то для семьи разницы не было бы. Посему родители понимали это и принимали с молчаливой безысходностью. Марин грустно вздохнула. Из отделения, где спали сестры, стали доноситься сонные голоса. Марин направилась к сестрам. Те начинали подниматься. Марин собралась, надела на себя одежду, в которой обычно нравилась Первой ведунье, и вышла из жилища. Ее встретил офицер с защитными сордарами. Их количество удивило. Сордары по двое стояли в разных местах вокруг дома. И Марин поняла, что их количество помешало убийце приблизиться к дому. Выходит, ночью он хотел проникнуть к ней, чтобы она не попала на Совет. Очевидно, намеревался убить. Стало быть, боится ее так же, как боялся Валли. От этих мыслей ей сделалось не по себе. Она испугалась. Посмотрела офицеру в глаза и взволнованно сообщила:

– Ночью он был здесь.

– Ни я, ни сордары никого не заметили, – отозвался офицер.

Марин повела рукой, показала туда, где внутренним взором ночью видела убийцу:

– Он был. До самого утра. Но не подходил близко, потому что много защитных сордар.

Усыпить внимание всех не мог.

– Скажи, Марин, имя, – попросил офицер. – Помоги мне остановить его, пока он не подобрался к тебе или еще к кому-нибудь.

– Нет, офицер. Его имя назовет хоскам Высший Совет ведунов. Так будет правильно.

В голову офицеру пришло, что сейчас он снова слышит уже не голос девочки, а взрослой хоски. Примерно так разговаривала Валли. Он сожалел о ней. Но вернуть ничего не мог. Только выполнить ее последнюю просьбу о защите Марин. Махнул кому-то из защитных сордар, и Марин услышала перестук копыт двух лошадей, которых вывели из-за угла. Одну из них подвели к ней, вторую – к офицеру. Марин удивленно посмотрела на него. Тот показал на седло:

– Так будет правильно.

Больше она ни о чем не спросила, а спорить не стала. Ее посадили в седло, она взяла в руки поводья. Офицер сел на свою лошадь. Сордары окружили их, и все двинулись вдоль улицы.

Заседание Высшего Совета ведунов открыл помощник Первой ведуньи. Короткими поклонами и обращением к богу почтили ее память. Председательствующий сразу сообщил, что на Совет пришла Марин, которая может сказать, кто убийца Валли. Среди ведунов началось волнение. Предвестница, по преданию, была порукой последующего выживания Хоскии. Никто не решился выступить против. Их внутренние взоры обратились к Марин, заставив возбудиться от мысли, что она раскроет им то, что не удалось увидеть самим. Безусловно, убийца был взбешен, что ночью не удалось предотвратить ее выступление на Совете, собрал всю свою ведунью силу в кулак, намереваясь помешать ей здесь. Марин вошла в окружении защитных сордар. Впереди шел офицер защиты хо-сков. Все восприняли это спокойно, ибо в свое время сами приняли решение о городарственной защите предвестницы. Марин встала так, чтобы со своих мест ее видели все ведуны. Скромно опустила глаза, потом подняла и, наткнувшись на уставившиеся на нее взгляды, смутилась. Никогда на нее не смотрело столько напряженных глаз, и никогда она не обращалась к такому количеству хосков, и не просто хосков, а ведунов Высшего Совета Хоскии. И все же, преодолев свою нерешительность, заговорила:

– Первая ведунья Валли всегда говорила мне, что нет ничего ужаснее жадности и лжи. Все зло на Зойле проистекает из этого. Мой внутренний взор показал мне, что причиной всех убийств стали жадность и ложь. – Произнеся эти слова, она почувствовала, как что-то стало давить на ее мозг, пытаясь выключить сознание. Мысли начали куда-то разбегаться и опустошать мозг. Стало чудиться, что голова разбухает от возникшей усиливающейся боли и вот-вот лопнет. Ее глаза забегали по лицам ведунов. Откуда шло это воздействие? Надо быстрее определить источник, пока сознание еще работает. И вдруг, как вспышка молнии в глазах, она увидела лицо, от которого все исходило. Марин зажмурилась, собрала свои мысли в кулак и ударила в ответ, и в тот же миг боль в голове отступила, мозг вытеснил пустоту. Марин поставила защитный барьер, который для источника враждебности был непробиваем. А лицо, от которого шло разрушающее воздействие, вдруг скрылось за спинами ведунов. Марин искала его взглядом, не нашла и вмиг сообразила, что ее воздействие сильнее источника разрушения. Но и тот понял, что наткнулся на непреодолимую силу, которая может заставить его прямо здесь раскрыть себя. Ретировался. А Марин обратила внимание, как многие ведуны тоже почувствовали какой-то дискомфорт и заволновались, закрутили головами. Впрочем, разрушающее воздействие было обращено не на них, поэтому определить, откуда оно шло, не могли. Тем временем Марин приготовилась к продолжению разговора. Еще некоторое время назад она собиралась сказать, что ей известно имя убийцы, но сейчас, после его воздействия на нее, решила молвить иначе. И она продолжила следующими словами: – Я могу указать место, где убийца оставил свои следы и где каждый из вас, мудрые, благодаря вашему божьему дару способен будет услышать его голос и увидеть лицо! А Совет после этого пусть решит, что с ним делать. Выберите несколько мудрых, которых я отведу на место. Вернувшись, они вам скажут ответ. – Марин умолкла.

Между ведунами пробежал шумок. Похоже, каждому захотелось отправиться к оставленным убийцей следам. Однако разнеслись и несогласные голоса:

– Мы уже были на месте убийства, мудрые! Да-да, ничего не обнаружили. Проглядеть не могли. Никак не могли. Хорошо смотрели.

Другие голоса призывали к иному:

– Отведи нас, Марин! Я готов пойти! Да тут все готовы! Предлагаю, мудрые, отправить пятерых! Я предлагаю десять! Лучше больше! Десять!

Выбрали десять ведунов, и те вместе с Марин отправились к месту убийства. Маленькое кровавое пятнышко со следом убийцы, на которое, впрочем, в первый раз никто не обратил внимания, заговорило с каждым ведуном. И перед каждым мелькнуло лицо. Все опознали убийцу. И после этого разом заговорили:

– Это невероятно, невысказано! Убийца среди нас! Убийца – член Высшего Совета! Мудрый Борри убийца! Мне всегда не нравилась родинка на кончике его носа! Он лжив, как имры, всегда скрывал от нас свою истинную личину!

Остальные члены Высшего Совета были обескуражены, когда им принесли эту новость. Долго смотрели друг на друга, медленно погружаясь в новую реальность. Каждый почувствовал свою вину за то, что его внутренний взор не сумел разглядеть рядом с собой врага. После долгого молчания тишину нарушил выкрик:

– Где он?

Головы всех повернулись к месту, где всегда сидел Борри. Но место было пустым. Сразу заплескались новые голоса:

– Куда он делся? Недавно был здесь! Кто видел, когда он вышел? Никто не видел. Он ослепил наши внутренние взоры! Он всегда это делал, иначе мы разглядели бы в нем врага хосков!

На миг опять все умолкло. Марин стояла в окружении сор-дар и тоже безмолвствовала. Председательствующий поднялся с места, собираясь спросить, какое решение примет Совет. Никогда еще им не доводилось судить никого из своих рядов. Мудрого, которого чтит народ хосков. Но, видно, наступило время, какое определяет, кто чего достоин. Больше не должно быть неприкосновенных мудрых, ибо если один из них изменил городарству, где гарантии, что другие мудрые не последуют его примеру? Все очень зыбко. Но чтобы подобное не повторилось, зыбкость должна стать твердью, за которой – пропасть. Председательствующий не успел еще ничего произнести, как его опередил громкий голос из рядов ведунов:

– Смерть!

Голос был настолько резок и требователен, что заставил многих вздрогнуть, после чего, набирая силу, покатилося:

– Исключить из Высшего Совета! Снять неприкосновенность! Покарать! Смерть! Смерть! Смерть! – разрасталось, как ком. – Смерть! Смерть! Смерть!

После того как последний мудрый выдохнул из себя это решение, помощник Первого ведуна поднял над головой обе руки, скрестил пальцы:

– Совет решил?

– Да-а-а! – выдохнули все и тоже скрестили пальцы рук над головами.

Решение Высшего Совета было принято. Офирер, стоявший рядом с Марин, насутился. Городарственной защите предстоит немедля заняться поиском ведуна Борри. Впрочем, уже не ведуна, а убийцы и отступника, ибо он раскрыл городарственную тайну имрам и подставил под удар Марин. Тем временем председательствующий заговорил опять после того, как ведуны стихли:

– Теперь, – сказал он, – пришла очередь избрать нового Первого ведуна. Высший Совет не может быть без Первого ведуна. Кого вы видите над собой после Валли?

Все ждали этого вопроса, но, похоже, после случившегося ни у кого не было готового ответа. Установилось нудное затишье. Никто из них не видел среди мудрых равных Валли. Все молчком признавали это. Тем не менее Первого ведуна следовало выбрать. И мало-помалу начали раздаваться голоса:

– Может, мудрого Колли? А может, мудрого Срегла? Мудрого Михли! Мудрого Павала! Мудрого Антана! Мудрого Кости! Мудрую Кати! Мудрую Нади! Мудрую Тамри!

Выкрики продолжались еще долго. Перебрали почти всех членов Совета, но так и не остановились ни на ком, кого могли бы совместно одобрить. Царили полнейший разброд среди

мудрых и полное бессилие в их глазах, граничащее с обреченностью. Наступил момент прозрения: Первого среди них не было. Все одинаковы. И в этот миг над шумным дыханием мудрых взлетел звонкий женский голос:

– Среди нас уже есть новая Первая ведунья! Мы все слепы, что не увидели ее! – и женщина-ведунья выкрикнула: – Смотрите лучше! Она перед вами! – Все головы повернулись на голос. Растерянно уставились на нее, думая, что та сама предлагала себя. Однако она отсекала: – Не смотрите на меня! Я о другой! – Ведунья набрала в легкие воздух и огорошила: – Марин!

На секунду ведуны замерли. А потом шумно повернулись к Марин. И вновь все застыли. А ведунья продолжила:

– Никто из нас не сумел найти убийцу, а она нашла. Ее внутренний взор сильнее любого нашего. Борри ослеплял наши взоры, но не смог ослепить ее! Валли иногда говорила, что Марин заменит ее. Я это слышала!

– Я тоже слышал! – поддержал кто-то.

– И я слышал! И я! И я!

– Тогда что мы раздумываем? – разнесся еще один женский голос.

– По силам ли ей? – неуверенно усомнился кто-то. – Ведь она еще девочка.

– Разве для ведуна это главное? – стояла на своем ведунья.

– Но она не член Высшего Совета!

– Тогда примем ее! Нам ничто не мешает сделать это! По преданию, она предвестница.

Ей суждено сделать то, чего мы не знаем. Разве можно не доверять?

– Принять! Принять! Принять! – понеслись новые предложения.

Ведун, который вел заседание, заметно растерялся. Его стали подталкивать криками. Наконец, придя в себя, он поднял руку, чтобы остановить выкрики.

– Совет решил? – спросил.

Над головами взметнулись руки со скрещенными пальцами. Часть ведунов, правда, продолжала сомневаться и не спешила поднимать руки, но, видя, что почти все сделали это, тоже медленно, с неохотой последовали за ними. Председательствующий повернулся к Марин:

– С этого момента ты в составе Высшего Совета, Марин. Ты – мудрая, как каждый из ведунов. А теперь скажи, ты готова стать Первой ведуньей Хоскии?

Ошеломленная тем, что сейчас произошло, Марин не решилась ничего ответить. Прикрыв глаза на короткое время, мысленно обратилась к Валли:

– Валли, они хотят, чтобы я стала Первой ведуньей вместо тебя. Мне страшно.

– Меня больше нет, Марин. Ты справишься, – проплыло в ее ушах.

– Мне еще четырнадцать лет. Я не взрослая, – возразила та, захлебываясь мыслями.

– Тебе уже четырнадцать лет. Ты повзрослела раньше сверстников. Не забывай: у тебя пять родинок. Этот знак делает тебя мудрой! – колебанием воздуха пронесся голос Валли. – Побори свой страх. Всем когда-нибудь доводится делать это. Страхи приходят и уходят, а твой дух остается с тобой. И ты не должна подчинять его страхам! Напротив, твой дух должен подчинять себе твои страхи! Ты справишься!

– Но я не знаю, что должна делать Первая ведунья, – отчаянно зацепилась Марин за это обстоятельство, резонно считая, что оно очень важно сейчас.

– Первая ведунья должна делать все, что только сможет, для процветания Хоскии, – услышала в ответ.

В голове у Марин гудело от наплыва мыслей. Она хотела задать вопросы Валли обо всем, даже о том, что в этот миг не являлось главным:

– А что сказать новым людям, когда они прилетят?

– Скажи все, о чем будешь думать!

– Я буду ждать их, как ждала ты.

– Ты должна верить, чтобы у хосков не пропала вера.

– А зачем им нужна эта вера?

– Чтобы быть сильными.

– Но разве вера в бога не делает хосков сильными?

– Делает. – Свежий поток воздуха с ног до головы окатил Марин. – Поэтому он отправляет к хоскам людей, чтобы они сильнее верили в него. Ты – предвестница. Бог избрал тебя. Твоя вера для хосков будет примером. Только так они пойдут за тобой. А сейчас мудрые ждут твоего решения! Прими его!

Очнулась Марин оттого, что вновь услышала голос ведуна, председательствующего на Совете. Ей показалось, что она долго стояла с закрытыми глазами. Однако на самом деле это продолжалось всего несколько мгновений. Все мысленные разговоры с Валли пролетели стремительно. Ведун повторил вопрос:

– Ответь, Марин, готова ли ты стать Первой ведуньей?

Нерешительность продолжала браться за нее в ее сознании, но она вспомнила, что дух должен быть сильнее ее страхов, и прошептала:

– Готова.

Всплеск голосов и вскинутых вверх рук со скрещенными пальцами поднял всех на ноги. Марин была избрана Первой ведуньей.

7

Джари, Хакри и Жатер прекрасно понимали, что за ними будет организована погоня, поэтому старались запутать следы и скорее вырваться за пределы городарства хосков. В дороге дважды меняли лошадей, загоняя прежних. Им удивительно везло. Когда лошадь тянула повозку на последнем издыхании, обязательно на пути встречался какой-нибудь всадник или повозочный, которого они убивали, забирали лошадь и гнали на ней дальше. Они не знали, далеко ли от них погоня, но, пересекая рубеж, будто чувствовали ее дыхание за своими спинами. Всю дорогу были нервно напряжены. Танни не давали поднять головы. Издергались и всю дорогу грызлись между собой. А когда пересекли рубеж, вообще стали смотреть друг на друга зверями. Теперь каждому хотелось показать себя перед герераром первым. В какой-то момент накинулись на Джари после его очередной команды. Все теперь окончательно не желали признавать Джари старшим над собой. В своих пределах им ничто не угрожало, и больше не нужно было прятаться за чью-нибудь спину, кто должен был принимать решения и отвечать за них. Джари умолк. Отъехав на приличное расстояние от рубежа, они разрешили Танни сесть в повозке и заговорить с ними.

– Кто вы? – спросила та испуганно.

– Тебе не обязательно это знать! – насмешливым тоном развязно отозвался Хакри. Растянул большой рот, осклабился, показав крупные зубы, причмокнул толстыми губами.

– Куда вы меня везете? – опять спросила она.

– Туда, где ты должна быть! – часто заморгал глазами и грубо выдохнул со слюной Жатер. Черные усики на губе задергались, топорщась и ломая форму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.